

ГНЕВ

Й. ЛЁВЕН

Йоханн Лёвен

Гнев

<https://litres.ru/74672618>

SelfPub; 2026

Аннотация

Весна две тысячи второго года. Афганистан. Начало войны с терроризмом.

Операция ЦРУ по захвату одного из главарей Аль-Каиды проваливается. Командовавшего ею офицера Рэя Фишера понижают в звании. Та же участь без всяких оснований постигает боевого лётчика Джейкоба Макдауэлла.

Лишь со временем Рэй понимает, как их всех обманули.

Не считаясь с тем, насколько катастрофическими могут оказаться последствия его действий, он вместе с Джейкобом начинает собственную операцию против главаря Аль-Каиды.

И постепенно гнев меняет его.

«Гнев» — бескомпромиссный военный триллер о предательстве, верности и о том, как бессильная ярость превращается в нечто угрожающее.

Содержание

• 05.04.2002, юго-восточный Афганистан	5
• ?? .04.2002, где-то в Афганистане	36
Часть 2	43
• 08.04.2002, авиабаза Баграм близ Кабула	43
• 08.04.2002, авиабаза Баграм, незадолго до восхода солнца	50
• 08.04.2002, авиабаза Баграм, восход солнца	58
• 08.04.2002, авиабаза Баграм, вскоре после восхода солнца	64
• 08.04.2002, авиабаза Баграм / США / Аравийское море	69
• 08.04.2002, юго-восточный Афганистан	75
• 08.04.2002, авиабаза Баграм, после полудня	82
• 08.04.2002, авиабаза Баграм, поздний вечер	86
Часть 3	91
• 13.04.2002, Лэнгли, ЦРУ	91
• 17.04.2002, Лэнгли, ЦРУ	97
Конец ознакомительного фрагмента.	99

Йоханн Лёвен

Гнев

Этот роман входит в цикл «Гнев».

Каждая книга рассказывает самостоятельную, завершённую историю и может читаться отдельно.

Тем, кто хочет проследить всю сюжетную линию, лучше читать романы в следующем порядке:

Гнев

Гнев: неистовый

Гнев: четыре дня

Часть 1

• 05.04.2002, юго-восточный Афганистан

Здесь, среди вершин Гиндукуша, воздух был настолько беден кислородом, что буквально царапал лёгкие. Младший лейтенант Джек Фишер из Отдела специальных мероприятий Центрального разведывательного управления с трудом поднимался по крутой извилистой тропе, терявшейся где-то в облаках, и смотрел вверх и влево. Его напряжённый взгляд снова скользнул по пятнистой горной козе, которая в поисках корма взбиралась по склону с двумя козлятами. И она, и оба козлёнка продолжали подниматься всё выше, казалось, без всякого труда. Время от времени они опускали головы. Джек не видел ничего съедобного, но камни животные наверняка не облизывали.

Как и его отец и старший брат, Джек сначала служил в Корпусе морской пехоты США — в подразделении специального назначения для дальней разведки. Как и они, после ФОРЕКОН он перешёл в военизированное подразделение специального назначения ЦРУ. Теперь Джек оставался единственным в семье, кто служил в ОСМ: отец ушёл со службы, а брата в срочном порядке назначили начальником резидентуры ЦРУ в Баграме.

В ОСМ Джек командовал одиннадцатью бойцами. Они входили в спецгруппу, предназначенную для проведения

тайных операций и относившуюся к наземному подразделению — одному из трёх подразделений ОСМ. Как и все сотрудники ОСМ, они были отлично подготовленными бойцами спецназа, которые вдобавок прошли чрезвычайно основательную контрразведывательную подготовку.

Однако на это задание Джек отправился лишь с двумя своими бойцами. Людей сейчас не хватало повсюду, и их троих сняли с другой, ещё не завершённой операции ради этой наспех организованной вылазки.

Сержант Артур ди Вито шёл позади Джека. Вооружённый ручным пулемётом М249, Артур на этом задании прикрывал небольшой отряд. Сержант Ник Кидман, с трудом взбиравшийся по склону прямо перед Джеком, глубоко вдохнул и слегка подпрыгнул, чтобы немного сдвинуть лямки тяжёлого рюкзака на плечах. Затем он снова опустил голову, чуть наклонился вперёд и продолжил идти за их местным связным.

У афганца было длиннющее имя, состоявшее из четырёх частей, но все звали его просто «Абдул». Он не выказывал недовольства ни этим, ни чем-либо ещё, а лишь непрерывно широко и простодушно улыбался. Абдул работал на ЦРУ проводником, переводчиком, объяснял особенности афганской культуры и время от времени готовил для американцев.

Сейчас он скакал, словно йо-йо, перед Кидманом, которому перераспределение груза за спиной принесло лишь очень краткое облегчение: через сорок шагов мягкие лямки рюкзака уже снова врезались ему в плечи. Кидман не ворчал, а

продолжал тяжело шагать. Джек хмуро подумал о том, что чем выше они поднимались, тем дальше оказывались от центра Земли, что влекло за собой ослабление силы тяжести. Следовательно, его часы теперь шли быстрее. А вот снаряжение, похоже, не просто не подчинялось эйнштейновским законам гравитации, а запросто обращало их вспять: Джеку казалось, что его карабин М4, висевший на стрелковом ремне у него на шее, становился всё тяжелее.

Джек пошатнулся, когда вслед за Ником резко свернул влево, огибая скалу, которая торчала в небо, словно вызывающе выставленный средний палец. Он знал, что они направлялись в маленький бедный аул, как назывались поселения тюркских народов. И всё же вид убогих хижин, словно перенесённых из Средневековья в двадцать первый век, поразил его. Казалось нереальным, что на такой высоте и среди такого ландшафта жили люди. Но это не было ни обманом чувств, ни миражом: Джек видел троих пожилых, степенных афганцев, которые совершенно естественно и непринуждённо поднялись, заметив Абдула, его и обоих сержантов. Станным Джеку показалось то, что хотя старики были частью этого сурового, скудного мира, их глаза при виде американцев однако вспыхнули алчностью. От удивления он едва не остановился. За плечами Джека было много боевых операций в разных частях света, он был опытным профессионалом, но Афганистан не укладывался ни в одну привыч-

ную схему.

Вообще-то их задача была столь же простой, сколь важной: передать одному из многочисленных местных пуштунских князьков два миллиона долларов и взамен получить прямой доступ к Масуду шаху Аммаду, одному из крупнейших командиров Аль-Каиды в Афганистане. Убивать шаха было необязательно, хотя Джек считал это уместным. В этой совсем недавно начавшейся войне Масуд уже провёл несколько дерзких операций, нанёсших значительный ущерб коалиции и унёсших жизни пятидесяти солдат союзников. Но существовала вероятность, что шах знал, где находился Усама бен Ладен, поэтому главной задачей было взять его в плен.

Абдул направился напрямик к трём старикам, а Джек, Ник и Артур остановились и стали наблюдать. Последовали обычные поклоны, затем они прижались щеками друг к другу, коротко поговорили, после чего Абдул поклонился, а один из стариков задумчиво погладил бороду. Затем он с таким величием, словно распоряжался крупнейшими в мире запасами золота, указал на хижину прямо на склоне скального выступа и с не меньшим высокомерием вперевалку направился к ней. Двое его спутников последовали за ним, не оглядываясь. Абдул обернулся. Его губы были растянуты в неизменной улыбке, белые зубы блестели. Он показал Джеку поднятый большой палец правой руки, и этот жест вы-

ражал почти эйфорический восторг. Впрочем, сделку устроил именно он и наверняка получал комиссионные, так что его оптимизм был понятен. Абдул махнул рукой, теперь уже несколько настойчивее, и пошёл вслед за тремя старыми афганцами. Но Джек не сдвинулся с места, а повернулся к Кидману и ди Вито. Их загорелые лица, довольно морщинистые, хотя обоим ещё не было тридцати, выглядели напряжёнными, несмотря на отсутствие угрозы — по крайней мере, видимой. Джек прищурился, внимательно разглядывая Ника и Артура.

— Всё в порядке, парни? — спросил он.

Ему показалось, что его голос прозвучал грубо. Но он не испытывал страха, лишь здоровое недоверие. Его сержанты смотрели на него со спокойствием закалённых воинов и предусмотрительностью мужчин, которые хорошо справлялись с подобной ситуацией, но никогда не смогли бы работать в банке или бургерной.

— Да, сэр, — ответил Кидман.

Его серые глаза спокойно смотрели на Джека. Джек кивнул и перевёл взгляд на ди Вито.

— Да, сэр, — так же коротко ответил тот.

Оба были не менее тёртыми, чем Джек. Он подозревал, что они до сих пор оставались сержантами и не становились офицерами только потому, что были готовы отвечать самое большее за собственное оружие.

Джек задумался. Где бы он ни подобрал высохшую тра-

винку, теперь она торчала из правого уголка его рта, и он машинально жевал её. Кончик травинки приплясывал, напоминая движения дирижёрской палочки. Если продолжить это сравнение, то через три секунды Джек сочинил в голове мелодию. Он указал на хижину, в которой скрылись Абдул и афганцы.

— Мы с Ником войдём, — начал он отдавать распоряжения. — Артур, ты останешься снаружи. — Он помолчал. — Отступать лучше всего по тропе, по которой мы пришли, её мы знаем, но вряд ли нам оставят такую возможность. — Он пожал плечами. — Что в другой стороне, на западе, мы не знаем вообще. На спутниковом снимке местность выглядит так же, как по пути сюда, но подробностей не разобрать. — Он перед заданием тщательно изучил спутниковые снимки, но их разрешение было не самым высоким. — Если будет время, полезем наверх, — продолжил он. — Прямо рядом с хижинкой есть несколько уступов, подняться по ним должно быть нетрудно. — Он указал туда лишь глазами, чтобы никто не заметил, о чём они говорили. Кидман и ди Вито покосились в ту сторону, затем коротко кивнули. Там, наверху, желательно на вершине, было удобнее всего связаться с базой по спутниковому телефону. — На запад пойдём, только если не получится подняться. — Джек дождался коротких кивков своих бойцов и кивнул в ответ. — Тогда вперёд.

Прежде чем повернуться, он услышал, как ди Вито переключил предохранитель пулемёта. Затем тот поднял би-

нокль. Джек решительно направился к хижине. Кидман последовал за ним. Джек не видел, кто за ними наблюдал, но кто-то непременно анализировал каждое их движение, хотя казалось, что никто в этом оторванном от времени ауле не собирался их убивать.

Того, кому предназначались деньги, в хижине не было. Через две секунды после того, как Джек это отметил, он понял, что сегодня кое-что было иначе.

Во-первых, Абдул теперь разговаривал со старыми афганцами без прежней покорности, как с равными. Даже за полгода в Афганистане Джек успел понять, что это означало: у Абдула была власть, и старики это знали. Во-вторых, в хижине не было ничего, даже ковра на глиняном полу.

И США в целом, и сам Джек в частности вступили в эту войну совсем недавно. По крайней мере, в качестве интервентов. Но в восьмидесятые, когда Америка и моджахеды были добрыми союзниками, американцы многое узнали об афганской культуре. Поэтому Джек знал, что «мельмапалана» — «гостеприимство» — было одним из важнейших требований пуштунвали, кодекса чести пуштунов. Старики должны были поприветствовать и его с бойцами — пусть не подобием поцелуев, но рукопожатием. И должны были подать им еду. Отсутствие обоих ритуалов означало, что американцы не находились под защитой хозяина дома. Кто бы им ни был.

Возможно, всё это ничего не значило, в конце концов, они пришли сюда лишь ради сделки. А возможно, значило всё. Теперь важен был лишь ответ на один простой вопрос: хотел Абдул получить солидные комиссионные или нечто большее?

Прежде чем спросить его, где Гайб, Джек заметил, что Кидман тоже смотрел на афганцев, напряжённый до последней клетки тела. Но ни одним движением не выдавал себя. Джеку всё же удавалось двигаться непринуждённо. Словно это было самым обычным делом, он жестом велел Кидману снять рюкзак. Кидман уронил его на пол, затем положил руки на приклад М4, висевшего у него на шее дулом вниз. И в тот момент, когда все афганцы посмотрели на Джека, опустившегося на колени перед большим рюкзаком, чтобы открыть его, Кидман сдвинул правую руку вниз, на пистолетную рукоятку карабина. Он коротко кашлянул, не громко и не тихо, и одновременно перевёл рычажок предохранителя в положение «F» для одиночного огня. Сделай он это по пути в хижину, кто-нибудь мог заметить, а теперь этого точно никто не увидел.

В левом из двух окон без стёкол по обе стороны двери — по сути, просто отверстий в стене, которые на ночь закрывали ставнями — вдруг появился ди Вито. Он выглядел встревоженным, но не охваченным паникой.

— Сэр, со всех сторон к аулу приближаются вооружённые люди, — коротко доложил он. — Похоже на боевой порядок

для атаки.

— Заходи, — спокойно сказал Джек. Пока ди Вито опускал руку с биноклем и поворачивался, Джек посмотрел на Абдула и стариков. — Что здесь происходит?

На этот раз Абдул не стал советоваться со стариками. Он как-то мерзко и презрительно усмехнулся, едва растянув губы: спокойный тон Джека, похоже, ввёл его в заблуждение.

— Вы платите деньги, чтобы князь Гайб Хабир Хан устроил вам встречу с Масудом шахом Аммадом, — начал он с приторным самодовольством, вызывавшим такое же отвращение, как чрезмерно сладкий кусок сливочного торта. — Ну вот, шах идёт, — закончил он.

Он нарочито отчётливо указал на окно, чтобы Джек и Кидман невольно проследили взглядом за его рукой. В то же мгновение его сальная улыбка исчезла, он выхватил из кобуры выданную ему Беретту М9, стандартный 9-мм пистолет вооружённых сил США, и дважды выстрелил в Кидмана. Пули попали ему в грудь, туда, где находилось сердце. Он упал. Абдул резко развернулся и прицелился в Джека. Но тот уже выхватил из кобуры свой Глок 19. Пригнувшись вправо, он вскинул пистолет обеими руками и выстрелил в Абдула. Первая пуля прошла в нескольких миллиметрах от его головы, вторая попала в левый глаз, третья — в шею. С бульканьем Абдул рухнул на пол.

Джек хотел не вывести его из строя, а убить. Краем глаза он видел забрызганную мозговым веществом стену, а сам ко-

ротко взглянул на растущую лужу крови под неподвижным телом Абдула. Тот был мёртв.

— Ник? — позвал он, направив Глок на стариков, которые больше не выглядели высокомерными, а словно оцепенели.

Абдул выстрелил Кидману в грудь. Это была самая большая мишень, что повышало вероятность попадания, но на нём был бронежилет.

— Кхе, — прохрипел Кидман, лёжа на спине и просовывая левую руку под бронежилет. — А-а. — Он торопливо перевёл дыхание. — Вот блин! — возмущённо вырвалось у него. — Как минимум одно ребро ушиблено.

— Сначала глубоко вдохни, — начал Джек. В следующее мгновение пуля со свистом прошла в расстоянии ладони от Кидмана и с чавканьем врезалась в пол рядом с ним. — Артур, осторожно, снайпер! — крикнул Джек, не сводя глаз с трёх старых афганцев.

Он услышал, как Кидман, сердито сопя от боли, перекатился в сторону, чтобы его не было видно через окно. Сержант встал на четвереньки и поспешно пополз к стене под окном. В ту же секунду в хижине появился ди Вито.

— Снайп...

Его предупреждающий крик резко оборвался, когда пуля пробила ему шею. Пока он падал, кровь заполняла его горло. Прижимая левую руку к входному отверстию раны, он ударился об пол. Он попытался что-то сказать, но изо рта шла лишь кровь с пузырьками воздуха и вырывались нечле-

нораздельные звуки. Вдруг он умолк. Прижимая руку к ране, он смотрел на Джека прищуренными карими глазами, в которых угасала жизнь. Всё было напрасно: сердце выкачивало кровь через выходное отверстие на задней стороне шеи. Окровавленные губы ди Вито шевельнулись, когда следующая пуля ударила ему в левую щёку. Она положила конец его тихой агонии и изуродовала лицо. Джек ещё раз посмотрел в его теперь уже пустые глаза, которые с укором смотрели в никуда. Усилив воли он перевёл взгляд с мёртвого товарища на Кидмана.

Тот повернулся, прислонившись к стене под окном. Боль, должно быть, была адской: Джек ещё никогда не видел, чтобы он двигался так медленно. Сам он вжался в полутёмный угол у противоположной стены и начал подтягивать ноги. В этот момент он снова услышал гудящий свист пули. Она пробила ему левую икру. Джек зарычал. Он бросил взгляд на окно, затем посмотрел на дверь, направил туда Глок и, оскалив зубы, левой рукой подтянул к себе раненую ногу.

— Ник, ты в порядке? — крикнул он.

— Да, сэр, — отозвался Кидман. — Артур мёртв.

— Знаю, — проворчал Джек, доставая перевязочный материал. Через несколько секунд он уже перетянул раненую ногу. Он перевёл дыхание, стиснул зубы и посмотрел на афганцев. — Кто-нибудь из вас, дрочи́лы, понимает мой язык? — прорычал он сквозь стиснутые зубы. Ответа не последовало. — Ник, того, что слева, — выдавил он.

— Да, сэр.

Кидман повёл М4 влево и выстрелил. Пуля попала одному из стариков в середину лба, и тот беззвучно упал на землю. Лишь облачко мельчайших капель крови ещё на один удар сердца повисло примерно там, где только что был его тюрбан. Кидман перевёл М4 на следующего старика.

— Это была слишком быстрая смерть, — крикнул Джек, глядя в непроницаемые чёрные глаза старика. — Так что, ты говоришь на нашем языке?

Старик сказал что-то, чего Джек не понял. Он кивнул Кидману. Тот слегка опустил М4 и выстрелил. Пуля попала старику в шею, но спереди: она разорвала не только кадык, но и шейный отдел позвоночника на выходе. Старик рухнул замертво. Кидман злобно рыкнул: он хотел, чтобы тот умирал так же мучительно, как Артур. Затем он направил дуло на последнего старика, по-видимому, главного здесь. В ту же секунду через окно в хижину ворвался шквал пуль. Снайпер стрелял неприцельно, но его огонь заставил Джека ещё глубже вжаться в тень в углу. Кидман тоже съёжился, продолжая держать последнего старика под прицелом М4. Тот сначала пригнулся, но затем выпрямился, словно был совершенно уверен, что снайпер в него не попадёт. Пули одна за другой влетали через окна, некоторые отскакивали от скальной стены в глубине хижины и с воем рикошетили по помещению, но старик даже не вздрагивал. Он смотрел Джеку прямо в глаза. В его взгляде было что-то похожее на ненависть.

Внезапно обстрел прекратился: снайперу нужно было сменить магазин. Он использовал СВД, советскую самозарядную снайперскую винтовку с магазином на десять патронов и дальностью применения восемьсот метров. По-настоящему хороший стрелок мог использовать её и на большей дистанции.

— Ник, — прохрипел Джек, — выгляни-ка наружу.

Он направил Глок на старика. Кидман опустил М4, выпустил его из рук и рывком сорвал с головы панаму. Он бросил её, обеими руками сгрёб с пола немного пыли и втёр в свои светлые волосы. Затем прижался к стене под окном. Инстинктивно ему хотелось выглянуть из одного из двух углов. Интуитивно он знал, что любой снайпер будет ожидать именно этого. И всё же ему пришлось изрядно пересилить себя, чтобы поднять ничем не защищённую голову над нижним краем окна прямо посередине. Больше двух секунд он себе не давал: к этому времени снайпер уже наверняка успеет навести СВД. Но этого хватило, чтобы понять обстановку.

— Их действительно много, и до них меньше двухсот метров, — начал он докладывать, сползая на пол спиной по стене. — Похоже, из-за старика они немного медлят.

— Не слишком, — задумчиво предположил Джек. Он прямо посмотрел Кидману в глаза. — У нас есть шанс, Ник? — Проблема была в прицеливании. Моджахеды грамотно проводили свою операцию. Ослепительное солнце светило прямо в хижину, а у моджахедов оно было за спиной. Раз-

глядеть их в ярком свете и взять на прицел было лотереей, в которой ставкой служила собственная жизнь. К тому же при определённых условиях вражескому снайперу не требовалось видеть цель напрямую: он мог стрелять, ориентируясь по теням. Джек был в безопасности только во мраке своего угла, Кидман — только у стены под окнами. — Или мы в попе?

— Ага. В жопе, если не выражаться как неженка, — подтвердил Кидман.

Джеку было двадцать восемь, и где-то за тысячи миль у него был отец, который гордился им, и мать, которая молча проклинала его профессию. У него был брат на два года старше, который тоже сражался на этой войне и сейчас даже был его командиром.

Шансов когда-нибудь снова увидеть их всех было немного. Не в этом мире.

Кидман, похоже, думал о таком же. Затем он испытующе посмотрел на Джека.

— Сможешь идти, лейтенант?

Значит, он решил. Бежать, а не сражаться. Джеку от этого стало легче, ведь им придётся оставить врагам ещё и тело Артура. Джек впервые потерял подчинённого. В голове мелькали вопросы: хотел бы Артур, чтобы они защищали его тело? Или настаивал бы на том, чтобы они попытались спастись и, если чудом выживут, рассказали его семье о его смерти? Джек посмотрел Кидману в глаза.

— Да, — ответил он. — Спасибо, Ник.

Кидман ничего на это не ответил.

— Я заберу пулемёт, — сказал он, не глядя на Джека.

Он снял с себя М4, затем разгрузочный жилет, оставив только бронежилет. Скорость сейчас была его козырем.

Джек прошёл снайперскую подготовку. Он посмотрел вглубь хижины слева от себя. По углам попадания пуль он мог довольно точно определить позицию снайпера — вернее, доступный тому сектор обзора. Окрестности аула он запомнил ещё раньше. Снайпер должен был находиться примерно в четырёхстах метрах, на десять часов относительно левого окна, там, где лежало несколько валунов. Джек убрал Глок в кобуру, взял М4, резко потянул Т-образную рукоятку взведения и отпустил её. Он повернул оружие влево и заглянул в окно выброса гильз, которое теперь уже не закрывала защитная крышка. Быстро провёл по нему правым рукавом, убирая несколько песчинок, затем достал из разгрузочного жилета все запасные магазины для карабина. Он на мгновение вскинул его, затем ещё раз, замер и снял с предохранителя.

— Готов, сэр, — доложил Кидман.

— Подожди, Ник, — сказал Джек и направил М4 на старика. — Так ты говоришь на нашем языке или нет? — осведомился он.

Афганец поднял руки в успокаивающем жесте. Упираясь спиной в стену, Джек поднялся и при этом выстрелил стари-

ку в лоб. Затем перевёл рычажок предохранителя в положение автоматического огня и начал стрелять через окно. Однако магазин он опустошал не одной длинной очередью, а короткими. Джек вёл огонь с рассеиванием, но преимущественно по предполагаемой позиции снайпера. Кидман бросился к Артуру. Пока Джек сбрасывал пустой магазин М4, вгонял в карабин полный, бил тыльной стороной левой кисти по рычагу затворной задержки и сразу же возобновлял огонь, Кидман добрался до погибшего товарища. Теперь его спина была открыта для выстрела через окно, но Джек сосредоточенно и непрерывно обстреливал позицию снайпера.

Если тот находился в другом месте, Кидману был конец.

Резкими движениями, часто дыша, он стянул ремень пулемёта М249 с шеи Артура. Джек сменил магазин и продолжил его прикрывать. Тяжело дыша, Кидман швырнул М249 к окну, рывком перевернул Артура на живот, открыл его рюкзак и достал два двухбарабанных магазина для пулемёта по сто патронов каждый. Обычно М249 питался преимущественно из рассыпных лент на 200 патронов, но при обслуживании одним бойцом магазины Бета-С были эффективнее. Кидман бросил их за спину. В ту же секунду пуля разорвала правый рукав у плеча вместе с мышцей под ним.

— Я ранен, — доложил Кидман.

Несмотря на плотный огонь Джека, вражеский снайпер рискнул высунуться из укрытия. Забирать ещё и пистолет Артура с магазинами теперь было слишком опасно, для это-

го найдётся время позже. Если будет на то Божья воля.

— Назад! — заорал Джек. Кидман бросился спиной к стене, на ходу развернулся и плашмя упал на живот. Джек посмотрел на него, вставляя в М4 свой последний магазин. — Всё в порядке? — крикнул он, ударил по рычагу затворной задержки и выстрелил.

Кидман не ответил. Вместо этого он подтянул к себе разгрузку, в которой оставались шесть запасных магазинов для М4, и швырнул её Джеку. Тот злорадно ухмыльнулся ему между двумя очередями. Кидман не обратил на это внимания и подготовил М249 к стрельбе. Он торопился: Джек уже полторы минуты стрелял с одной позиции, долго так продолжаться не могло. Кидман присел, прижался спиной к стене, приложил М249 к плечу, поднялся, развернулся к окну и открыл огонь.

— Пошë-ë-ёл! — заорал он.

Джек пополз из своего угла к светящимся четырёхугольникам, которые падали на пол из обоих окон, держа в одной руке карабин, а в другой — жилет с запасными магазинами. Тем временем Кидман поливал пулями склон перед аулом. Отдача пулемёта, толкавшая в плечо, придавала уверенности.

М249 был американским вариантом бельгийского ручного пулемёта Миними. Обычно его называли «Поросёнком», но раньше он носил обозначение «САВ» — автоматическое оружие отделения. Однако солдаты понимали эту аббревиа-

туру буквально, как английское слово «пила».

Кидман видел лишь каждую десятую пулю, потому что только они были трассирующими, но высокая скорострельность — тысяча выстрелов в минуту — за первые пять секунд почти буквально распилила двух моджахедов, подкрадывавшихся к хижине слева. Их Кидман ещё смог более-менее хорошо разглядеть. Затем он различал лишь смутные движения силуэтов против света. Он обстрелял из пулемёта широкий полукруг, и остальные нападавшие после первоначальной заминки в панике бросились искать укрытия среди неровностей земли Гиндукуша. Кидман, сотрясаемый отдачей пулемёта, разъярённый и уже задыхавшийся, потому что едкий дым сгоревшего пороха вытеснял разрежённый горный воздух вокруг него, продолжал удерживать спусковой крючок. Ему нужно было прижать моджахедов к земле, пока Джек не окажется в безопасности. Он уже ничего не слышал, кроме металлического стука затвора и звонкого лязга дымящихся стреляных гильз, падавших на пол. Затем затвор сработал вхолостую: магазин опустел. Кидман развернулся спиной к стене рядом с окном и сполз вниз, вырывая из пулемёта двухбарабанный магазин и отбрасывая его в сторону. Его чувства были притуплены, но натренированный разум работал чётко. Не глядя, он вогнал в пулемёт следующий магазин и передёрнул затвор, а сам искал глазами Джека. Затем он увидел его. Тот пробирался в тень между светлыми четырёхугольниками обоих окон.

И тут на них обрушился ад. Пространство в хижине между нижним краем окон и крышей заполнилось, казалось, мириадами пуль. Моджахеды палили из всех стволов, но слишком высоко. Значит, дело было не в двух миллионах. Для какого-нибудь деревенского князька это наверняка была баснословная сумма, а для полевого командира вроде шаха — сумма, которую он за неделю тратил на свой праведный джихад.

— Моджахедам нужен ты! — крикнул Кидман Джеку.

Они убили Артура и пытались убить Кидмана, а Джек получил лишь довольно безобидное сквозное ранение. Его совершенно точно хотели не убить, а только лишить возможности передвигаться. Он был нужен им живым. Возможно, шах хотел устроить показательную расправу, а возможно, Джек был нужен ему для обмена на своих. В любом случае Абдул выдал их со всеми подробностями: хотя ни Джек, ни его бойцы не носили знаков различия, моджахеды всё равно знали, кто из них офицер.

Джек криво усмехнулся Кидману, безмерно счастливый оттого, что товарищ был жив. Тот ухмыльнулся в ответ. Он тоже был рад, что не остался один.

Оба были ранены, так что оставалось лишь попытаться подняться на гору, запросить поддержку с воздуха и постараться выжить. Шансы были ничтожными. Во всяком случае, живыми они моджахедам не дадутся, а последние минуты своей жизни потратят на то, чтобы отправить на тот свет

впереди себя как можно больше врагов.

Кидман осторожно коснулся ствола пулемёта пальцами левой руки. Тот всё ещё был горячим. Но снова ползти к Артуру, чтобы достать из его рюкзака запасной ствол и забрать его опознавательный жетон, было невозможно.

Джек прислушался к тому, что происходило снаружи, и моргнул. Раненую ногу он уже не чувствовал, его переполнял адреналин. В голове бурлили бесчисленные мысли.

— Что со стволом, Ник? — сосредоточенно спросил он.

— Так себе, — ответил Кидман.

— Ещё сто выстрелов выдержит?

— Если стрелять короткими очередями.

— Тогда так и делай, — сказал Джек. — Подожди. — Он отложил М4, подтянул ноги и повернулся, встав сначала на колени, затем на переднюю часть стоп. Потом мелкими шажками отступил к стене и упёрся в неё правой ногой. Он не сводил глаз с рюкзака с деньгами. С усилием выдохнул и наполнил лёгкие кислородом. — Пошёл!

По отрывистой команде Кидман поднял пулемёт над головой, положил его на нижний край окна и нажал на спусковой крючок. Куда он стрелял, он не видел, да это и не имело значения: им с Джеком требовалось лишь отвлечь противника на две секунды. И всё же Кидман, упираясь спиной в стену, поднялся на ноги, продолжая стрелять.

Джек оттолкнулся от стены, словно ныряя головой вперёд, приземлился на пол прямо перед рюкзаком с деньгами

и вытянутыми руками толкнул его под правое окно. Разгона не хватило, чтобы одним рывком добраться туда вместе с деньгами: трение о пол было слишком сильным, и на полпути Джек плюхнулся на живот. Сердито сопя от злости и на моджахедов, и на самого себя, он с трудом поднялся на четвереньки, продолжая толкать рюкзак головой.

Кидман не видел моджахедов, да ему это и не требовалось: пока было достаточно прижать их к земле. Он попытался покоситься на Джека. Одновременно он нажимал на спуск, смещал пулемёт, отпускал спуск, снова смещал оружие и стрелял ещё до того, как на полу затихал звон выброшенных гильз. С каждой очередью двигать пулемёт становилось легче: магазин неуклонно пустел. Джек, невольно задрав зад, упорно толкал рюкзак к стене, словно бульдозер в человеческом обличье. Ещё секунда. Ещё две. Три. В каждую из них M249 выплёвывал четырнадцать пуль. Теперь оставалось лишь три — две — одна секунда. Затвор сработал вхолостую.

В тот же миг Джек убрал ноги с линии огня снайпера. Словно в отместку за это, пока Кидман отворачивался от окна, четыре пули одна за другой пробили глиняную стену рядом с ним слева направо, оставив отверстия почти ровно в двадцати сантиметрах друг от друга. Его голова оказалась точно между двумя отверстиями. Ухмыляясь от изумления собственному везению, Кидман сполз спиной по стене на пол.

Джек сбоку улыбнулся ему, не менее удивлённый и счастливый.

— Он на десять часов, у валунов, в четырёхстах метрах, — сказал он, прерывисто дыша и застёгивая молнию рюкзака с деньгами.

— Хорошо, — коротко ответил Кидман, отщёлкнул пустой магазин и вставил в пулемёт последний. При этом он лицом чувствовал жар, исходящий от ствола. — Сколько у нас времени? — спросил он.

Последним рывком Джек с усилием застегнул молнию.

— Тридцать секунд? — предположил он. Четыре раза шумно вдохнул и выдохнул, затем посмотрел на Кидмана и криво ухмыльнулся. — Надевай разгрузку и к двери.

Кидман с болью посмотрел на Артура, который впервые за все эти годы просто лежал, ни в чём не участвуя. В его мёртвых глазах каким-то образом отражалось всё: хижина, небо, горы. Он всё ещё был здесь, со своими товарищами — только подать им запасной ствол он уже не мог.

Придётся обойтись и так. Натягивая разгрузочный жилет с теперь уже пустыми подсумками для магазинов М4, Кидман зажмурился, перебирая в памяти окружающую местность. Затем он понял, где находился снайпер — если Джек был прав. Он бесшумно пополз к двери, толкая М249 рядом с собой. У дверного проёма вытянулся на полу и повернул голову. Джек крепил ручную гранату к задней стороне рюкзака. Он использовал пластиковую стяжку — каждый из них

носил такие с собой, чтобы связывать пленных или накладывать давящую повязку. Джек считался хладнокровным, но сейчас дышал часто и судорожно: времени у них больше не было, каждая ушедшая секунда была лишней. Наконец он поднялся рядом с окном, упираясь спиной в стену, как до этого Кидман. Джек не смотрел на него, всё его внимание было сосредоточено на гранате.

— Давай! — крикнул он.

Кидман вместе с пулемётом перекатился в дверной проём и открыл огонь. Благодаря траассирующим пулям он за секунду увидел, куда стрелял, и смог скорректировать огонь. Он повёл пулемёт немного влево и вверх и одной очередью всадил пули точно в камни, за которыми лежал вражеский снайпер. Лучше бы у него были старые патроны 7,62 мм НАТО, но и сравнительно малоимпульсным пулям 5,56×45 мм хватало силы на четырёхстах метрах. Их количество и рикошеты сделали укрытие непригодным, и снайпер попытался отступить. Перегретый ствол теперь деформировался. Кидман внёс поправку, и две из последних восьми пуль попали в снайпера, чья винтовка с разбитым прицелом уже лежала рядом на земле. Затем пулемёт опустел. Кидман услышал короткий звон, с которым Джек выдернул чеку гранаты за кольцо, затем его стонущий выдох, когда он швырнул рюкзак с деньгами из окна как можно дальше к склону.

Граната должна была лишь разорвать рюкзак, чтобы разбросать деньги. Для шаха два миллиона долларов, возмож-

но, были небольшой суммой, но для его моджахедов это было целое состояние.

У Джека почти не осталось сил: рюкзак тяжело плюхнулся на землю всего в неполных двенадцати метрах от хижины и опрокинулся. Секунда. Между землёй и рюкзаком глухо взорвалась граната. Каменистая почва отразила ударную волну, повреждённый рюкзак подскочил, словно подстреленный павлин, и разорвался. Несколько долларовых купюр вырвало из пачек, и ветер унёс их прочь. Но большинство пачек осталось целым, а часть разбросало по довольно большой площади перед хижинкой. И они обещали, что в рюкзаке было ещё больше.

Яростный рёв, вероятно призвал моджахедов к порядку, чтобы они не бросились за ненавистной зелёной чумой неверного Запада.

Следующие несколько секунд давали короткую возможность сбежать. Кидман отбросил пустой пулемёт и вскочил на ноги. Одновременно к нему подхромал Джек. У него оставалось три гранаты, у Кидмана — все четыре. Они кивнули друг другу. Можно было использовать их, чтобы наверняка избежать плена. Но они этого не сделали. Им предстоял отчаянный шаг, но он давал хотя бы крошечный шанс, и они не были бы солдатами элитного подразделения, если бы им не воспользовались. Бросив последний короткий взгляд на погибшего товарища, обещавший забрать его, если это окажется хоть как-то возможно, они один за другим выдерну-

ли чеки. Джек первым выбросил свою гранату наружу, Кидман — двумя секундами позже. Под слившиеся взрывы они вышли из хижины и швырнули следующие две гранаты. Затем Кидман закинул правую руку Джека себе на шею, и они побежали. Позади снова прогремели два взрыва. Джек привёл в действие последнюю гранату. В ту же секунду Кидман оттолкнул его и выхватил из кобуры Глок. Он согнул колени и чуть подался вперёд, вскидывая пистолет обеими руками и открывая огонь. Все пятнадцать патронов в магазине и шестнадцатый в стволе он израсходовал на троих бойцов-моджахедов, бежавших прямо на них. Один развернулся вокруг своей оси, прежде чем упасть. Второй просто рухнул лицом вниз во весь рост, третий прыгнул в сторону. Четыре пули попали ему в бок, и он свалился на землю, кувыркнувшись ногами через голову. Кидман рывком повёл Глок в сторону, одновременно вытащил полный магазин из подсумка на пистолетном ремне, вставил его и коротко дёрнул затвор, снимая его с затворной задержки и заряжая Глок. В тот же миг позади грохнула граната, и Кидман почувствовал, как Джек прижался спиной к его спине.

— Гранату! — крикнул Джек.

Одновременно он открыл огонь из М4. Но теперь он стрелял не очередями, а одиночными. Кидман сунул Глок в кобуру и вырвал из разгрузки предпоследнюю гранату. Выдернул чеку и, не целясь, бросил гранату назад через голову. В ту же секунду он схватил Джека за левую руку, закинул его

себе на спину и побежал. Он успел сделать восемь шагов, прежде чем граната взорвалась. Джек рывком высвободился.

— Стой, — отрывисто приказал он, направляя М4 назад, на облако от взрыва, и оглядываясь. — Бросай последнюю гранату, — последовал следующий приказ. — А потом налево, вверх по склону.

Он выстрелил дважды. За это время Кидман успел обернуться. Кое-где он увидел моджахедов, все были в нескольких десятках метров. Они приближались, но медленно, они искали укрытия и не стреляли. Они всё ещё хотели взять их живыми. Джек снова выстрелил. Кидман выдернул чеку последней гранаты и на этот раз бросил её по высокой дуге не назад, к хижине, а просто в сторону, под прямым углом к скале. Она упала на землю в десяти метрах от них и немного откатилась. За это время Кидман снова выхватил Глок, а затем сердитым рывком оторвал руку Джека от карабина. Граната взорвалась. Радиус смертельного поражения составлял около шести метров, но каменистая почва усилила ударную волну. Осколок с мерзким воем пронёсся над их головами, ударился о скалу и с визгом отлетел в сторону. Немногочисленная пыль на земле взметнулась недолговечным облаком. Пока оно уже рассеивалось, Кидман потащил Джека вверх по скале. Он восхищался своим лейтенантом, запомнившим это место ещё по прибытии: именно здесь проходила тропа к вершине. Вообще-то это было лишь плато, но оно обособленно возвышалось над окрестностями, и до ближай-

ших горных склонов вокруг было не меньше тридцати метров. При некотором везении, умении и использовании естественных укрытий здесь можно было какое-то время обороняться. И уже по пути туда кое-где встречались выступы, за которыми можно было укрыться.

Но уже после четырёх метров подъёма пересохшие, перенапряжённые лёгкие Кидмана требовали кислорода. Он затащил Джека за скальный выступ, отпустил его и рухнул рядом на колени, затем и на руки, не выпуская Глок. При этом он разбил два пальца. На такой высоте кровь показалась ему бледной. Он глубоко вдохнул. Джек тем временем выглядывал из-за выступа, держа М4 наготове и поворачивая голову из стороны в сторону.

— Они всё ближе, — доложил он. — Но идут осторожно. — Он досадливо вздохнул. — Были бы у нас гранаты Артура. — Затем его голос наполнился гневом. — Самого Артура я сейчас хотел бы иметь рядом. — Он сплюнул и повернул голову к Кидману, который теперь смотрел на него. — Нам надо идти, Ник.

— Знаю.

Кидман слегка оттолкнулся руками от земли и сел на колени. Он посмотрел вверх выступа. Моджахеды с трёх сторон приближались к началу тропы. Трое лежали мёртвыми рядом с разорванным рюкзаком с деньгами. Вероятно, их убили не гранаты, а собственный командир. Вокруг рюкзака валялось несколько пачек денег, ветер то тут, то там подхва-

тывал отдельные зелёные купюры. Кидман встал и поднял Джека. Теперь моджахеды их видели. Несмотря на расстояние всего в сто метров, они не стреляли. Джек опустил М4: в разгрузке у него оставался лишь один полный магазин. Кидман снова подхватил его, и они вместе заковыляли вверх.

— Хорошо, что ты хоть снайпера достал, — сказал Джек, не переставая смотреть вниз. Тот ранил бы их, не убивая, и тогда моджахеды легко с ними справились бы. — Надо быстрее, Ник. До вершины ещё четыреста метров, а духи наверняка лезут где-нибудь с другой стороны, чтобы встретить нас там.

Кидман не ответил. Он и Джек широко раскрывали рты, стараясь набрать в лёгкие как можно больше разрежённого горного воздуха. Но двигаться намного быстрее они не могли: вся тропа была усеяна мелкими камешками, и они тут же поскользнулись. Оба смягчили падение руками, кое-как поднялись и потащились дальше. Теперь перед каждым следующим шагом им приходилось ещё и следить за тем, чтобы нога стояла твёрдо. Позади уже слышались крики моджахедов.

Инстинкт выживания усиливался ещё быстрее, чем им начинало не хватать воздуха. Шанс, которым они в принципе располагали скорее в теории, становился всё реальнее. Вероятно, не выжить, но хотя бы связаться со своими и сообщить о случившемся. И, может быть, всё-таки существовала

возможность спастись.

Джек оглянулся. Несколько моджахедов добрались до тропы и начали подъём. Но продвигались они не быстрее Кидмана и Джека. Он резко запрокинул голову. До плато оставалось около ста метров. Ни там, наверху, ни вокруг себя и Кидмана Джек не заметил движения.

Он слышал уже только тяжёлое, неровное дыхание Кидмана, который тащил наверх и его, и себя. Шатаясь, но не останавливаясь. Джек помогал ему здоровой ногой как мог и одновременно осматривался. Кидман теперь полностью оставил это ему: все свои силы он тратил лишь на то, чтобы добраться с ним до плато.

Они добрались, казалось, через полвечности — пересохшие, совершенно обессиленные и задыхавшиеся. Но всё ещё живые. Джек с трудом вскинул М4, пока Кидман разворачивался вместе с ним по кругу. На горах, окружавших их почти со всех сторон, одни — всего в тридцати метрах, другие — почти в километре, и настолько огромных, что они закрывали полнеба, Джек не заметил движения. На плато — тоже. Здесь вообще ничего не было, кроме груды камней высотой чуть меньше метра, напоминавшей древнюю разрушенную стену. Возможно, столетия назад афганцы останавливались здесь на привал. На это указывало и то, что камни, похоже, когда-то были уложены кругом, и чем ближе подходили Джек и Кидман, тем отчётливее это становилось видно. Насколько они могли судить, в остальном плато было пустым.

Они протащились между камнями и без сил рухнули на землю посередине. Тяжёлое дыхание Кидмана напоминало Джеку ураган. И всё же сержант, сидя на коленях, выпрямился и протянул руку. Джек с огромным усилием стянул через голову ремень М4 и передал Кидману карабин. Тот быстро осмотрел М4 и взял его на изготовку. Джек достал из разгрузки последний магазин и, не глядя, протянул Кидману. Когда тот его взял, Джек вытащил из кармана жилета спутниковый телефон. Он включил громоздкий аппарат, пока Кидман поворачивался вокруг себя с М4 наготове.

Когда он прицелился в ту сторону, откуда они только что пришли и откуда за ними следовали моджахеды, он дважды глубоко вдохнул.

— Надеюсь, они быстро прилетят, — пробормотал он, криво ухмыляясь.

— Надеюсь...

Джек не договорил. Между ним и Кидманом вдруг оказался маленький худой мальчишка в потрёпанной пуштунской одежде, лет тринадцати. Откуда он взялся, как и когда, Джек не понял. От неожиданности он лишь теперь заметил, что мальчишка размахнулся деревянной дубиной. Она с силой ударила Кидмана по затылку, и сержант беззвучно упал лицом вперёд, а М4 с лязгом отлетел по каменистой земле. Джек выронил спутниковый телефон и потянулся к Глоку. Он вытащил пистолет, мальчишка снова занёс дубину. Джек прицелился в него, но инстинктивно замешкался, не реша-

ясь выстрелить в ребёнка. Когда его указательный палец наконец согнулся, дубина ударила его в висок. Не в силах пошевелиться, он упал на бок и увидел презрительную ухмылку мальчишки.

Затем над Джеком на мгновение ярко и ослепительно вспыхнуло синее безоблачное небо. Он потерял сознание, и глаза его закрылись.

● ?? .04.2002, где-то в Афганистане

Джек с трудом пришёл в себя.

Он лежал на левом боку, руки были связаны за спиной в запястьях, ноги — в щиколотках. Жестоко, до боли. Левая половина его лица была покрыта коркой запёкшейся крови. Голова гудела. Вокруг сгущались предвечерние сумерки. Но уже не пятого апреля.

Хотя он лежал под открытым небом, это было не то плато, где их застал мальчишка. Джек находился гораздо ниже: горы вокруг вздымались далеко ввысь. Он не мог понять, были ли это те же горы, которые он видел по дороге к аулу. Позади, куда он из своего положения не мог посмотреть, потрескивал костёр. Затем он почувствовал запах жареного мяса и вдруг ощутил голод. Но тут же ещё сильнее его начала мучить жажда. Пересохший язык невольно скользнул по потрескавшимся губам. Он застонал.

Внезапно две руки подхватили его сзади под мышки. Его грубо вздёрнули и поставили на колени. Как только его отпустили, Джек обмяк и закрыл глаза: всё вокруг вращалось. Но через две секунды он снова пришёл в себя, в конце концов, он был бойцом элитного подразделения. Которого мальчишка свалил суковатой веткой. Джек открыл глаза.

Прямо перед ним было встревоженное лицо Кидмана. Сержант тоже стоял на коленях, со связанными за спиной

руками, чуть впереди и слева от него. Лицо у него было лишь грязным, но затылок, должно быть, сильно пострадал: вся шея была в засохшей крови. В его взгляде была боль. Не из-за раны, а потому, что они всё-таки попали к моджахедам живыми.

Джеку было стыдно за это, и он отвёл глаза. Хотя он знал, что Кидман ни в чём его не винил, ему всё равно было горько. Джек глубоко вздохнул. Его взгляд скользнул по начинавшему темнеть небу. Высоко над ним летела яркая точка, стремительно и совершенно беззвучно. Не прошло и полминуты, как она скрылась за горной вершиной. Джек глубоко вздохнул. Он выпрямился и посмотрел на Кидмана.

— Прости, Ник, — сказал он.

Товарищ лишь кивнул и попытался улыбнуться.

— Как трогательно, — насмешливо произнёс кто-то сзади.

Для произнёсшего эти слова английский не был родным, но чёткость произношения и сила голоса позволяли ощутить масштаб его личности, даже не видя самого говорившего. Джек повернул голову влево через плечо. Он увидел мужчину, сидевшего на корточках перед костром, на семь часов от него. Лет сорока. Одет он был скромно, но не дёшево, а добротно: в типичные пуштунские широкие штаны и длинную рубаху с тёмным жилетом поверх неё. Туго намотанный платок обрамлял голову наподобие тюрбана. Борода вокруг узких губ была очень короткой, заострённой внизу и чрез-

вычайно ухоженной. На худом угловатом лице выделялись тёмные пронзительные глаза. Узкие кисти с тонкими пальцами, как у пианиста, спокойно перебирали чётки, но даже это, как и весь облик мужчины, говорило об огромной внутренней силе.

В противоположность ему мужчина за его спиной выглядел как самый мрачный персонаж сказок «Тысячи и одной ночи». Он был чрезвычайно массивным, казался безгранично сильным, носил огромную бороду и смотрел безжалостно.

Джек оглядел его, затем снова посмотрел на сидевшего пуштуна.

— Масуд шах Аммад, полагаю? — спросил он.

— Верно, — ответил шах. — А ты кто?

— Лейтенант Джек Фишер из ЦРУ, — ответил Джек. —

Но это ты наверняка знаешь от Абдула, верно?

Шах улыбнулся.

— Снова верно, — подтвердил он. — Что вам от меня нужно?

Джек безрадостно улыбнулся.

— В этой ситуации? Чтобы ты нас отпустил, — честно ответил он и опередил следующий вопрос. — Если бы наш план сработал, сейчас связан был бы ты, а мы спрашивали бы тебя, где бен Ладен.

— Интересно, лейтенант Фишер, — отозвался шах.

Откровенность Джека, похоже, немного его озадачила. Джек ещё немного подождал.

— Можно спросить, который час? — осведомился он как можно непринуждённое.

Шах оттянул широкий левый рукав и взглянул на металлические часы Касио на запястье.

— Чуть больше половины шестого вечера, — ответил он.

— По местному времени? — уточнил Джек. Шах кивнул, слегка забавляясь в ожидании следующего вопроса. — А какой день? — спросил Джек.

— Суббота, — ответил шах.

— Где мы, ты мне не скажешь? — попытался Джек.

Шах рассмеялся. Смех прозвучал почти дружелюбно.

— Разумеется, нет, — подтвердил он. — Не потому, что у вас есть шанс сбежать, а просто из принципа, понимаешь, — добавил он с преувеличенным дружелюбием.

— Да, это было понятно, — ответил Джек. — А теперь что?

— Хм, — произнёс шах.

Он неторопливо встал и медленно обошёл Джека, который молча поворачивал вслед за ним голову. В сопровождении своего жуткого адъютанта шах остановился между Джеком и Кидманом. Он переложил чётки в левую руку, а правую завёл за спину. Когда он снова вывел руку вперёд, в ней был Глок 19. Это был пистолет Джека, он узнал его по длинной царапине на затворе. Он поднял глаза. Шах смотрел на него с холодной, насмешливой полуулыбкой, медленно поднимая пистолет. Джек поспешно взглянул на Кидмана, кото-

рый теперь искал его взгляд. Они посмотрели друг другу в глаза. Затем оба чуть улыбнулись.

— Прощай, Ник, — сказал Джек, пока шах театрально медленно направлял его пистолет в голову Кидмана.

— И ты, Джек, — спокойно ответил его товарищ, не отводя глаз и всё ещё слегка улыбаясь. — До скоро...

Выстрел почти в упор пришёлся ему в правый висок и разнёс левую половину головы: Глок был заряжен тяжёлыми дозвуковыми патронами, рассчитанными на максимально возможное останавливающее действие. Кидман обмяк и упал на левый бок, его открытые мёртвые глаза смотрели куда-то мимо Джека.

Джек медленно кивнул ему, вдохнул и посмотрел на шаха. Тот самодовольно улыбнулся, слегка покачал головой и опустил Глок.

— Нет, ты умрёшь иначе, — сообщил он Джеку.

— Кто бы сомневался, — проворчал он в ответ. — Хотя бы сейчас?

— Нет, — ответил шах. — Тебе придётся ещё немного продержаться. — Он вполоборота повернулся влево и поднял левую руку, в которой покачивались чётки. — Когда солнце скроется за той вершиной, — сказал он. — Ты мне надобен для видеообращения, и я хочу получить для него наилучшее освещение.

— У тебя вообще есть доступ к бен Ладену или мы с моими бойцами погибли зря? — поинтересовался Джек.

— Не твоё дело, — ответил шах.

— Ну что ж, — сказал Джек. — По крайней мере, мы прикончили нескольких из вас.

Он сник и закрыл глаза.

Одно следовало признать: шах был не только хорошим стратегом и тактиком, но и чувствовал свет, словно какой-нибудь проклятый фотограф, подумал Джек. Накануне шах умело использовал солнце, чтобы затруднить им с Кидманом побег. Теперь, когда солнце скрылось за указанной вершиной, рассеянный свет в долине создавал почти драматический эффект. Джек был впечатлён против воли.

Как и решением использовать мальчишку. Во-первых, тот был практически незаметен, во-вторых, у него хватило сил вывести его и Кидмана из строя, но не хватило, чтобы убить их. И связан Джек был продуманно: и запястья, и щиколотки стянули так сильно, словно наложили жгуты. Он больше ничего в них не чувствовал, кроме постоянно нараставшей тупой, ноющей боли. Если бы здесь чудом появились товарищи, чтобы спасти его, им пришлось бы нести его: он не мог ни самостоятельно освободиться, ни сделать хотя бы один шаг на своих ногах.

Теперь ему было всё равно. Он хотел лишь, чтобы всё это наконец закончилось.

Ещё до того, как скрылось солнце, афганцы установили рядом с кострищем камеру. Это тоже было продуманно:

окружающие горы могли находиться где угодно в Афганистане. Джек внутренне с облегчением усмехнулся, когда шахский великан притащил его перед камеру, с силой поставил на колени и встал за ним. Моджахед за камерой включил её, Джек понял это по маленькому красному огоньку спереди. Камера была ещё аналоговой. Ну да ладно, больше его разочаровал шах: тот встал рядом с ним, закрыв лицо. Джек счёл это трусостью. То, что шах не держал в руках листок с речью, а заговорил без бумажки, после того как великан рывком выпрямил Джека, было уже немного лучше.

Джек не слушал. Он оставался на коленях, выпрямившись, но закрыл глаза и беззвучно, медленно и обдуманно произнёс свои последние слова.

Когда он закончил, шах всё ещё что-то рассказывал. Джек лишь слегка пожал плечами, и вдруг боль в перетянутых запястьях и щиколотках стала почти невыносимой. Но это уже ненадолго. Джек внезапно почувствовал благодарность за эти последние секунды. Он склонил голову и прочёл последнюю молитву. За себя, за Ника, за Артура.

Шах умолк. Значит, теперь пришло время умирать.

Часть 2

• 08.04.2002, авиабаза Баграм близ Кабула

Это было то самое время между рассветом и восходом солнца, когда Афганистан становился просто сказочным. Призыв муллы к утренней молитве умолк, верующие мусульмане последовали ему в мечети, и утро тихо, во всём многоцветье, разливалось среди прекрасных суровых гор. Для часовых из десятой горной дивизии армии США, охранявших базу, это было самое спокойное время суток.

Но не сегодня. Командовавший постом у главных ворот штаб-сержант заметил далеко впереди движение и сразу напрягся. Левой рукой он хлопнул по правому плечу стоявшего рядом пулемётчика и вскинул бинокль. Оказавшийся тут же рядом ствол пулемёта пятидесятого калибра успокаивал, но тревожное чувство не исчезало.

Однако картина, открывшаяся сержанту, выходила за рамки всего его опыта. К базе бежал худой подросток в одних шортах. В правой руке он, похоже, что-то держал, а левой приветственно махал над головой широкими взмахами. Бомбы у мальчишки, по-видимому, не было, если только он

не проглотил взрывчатку С-4. Оружия у него тоже не было: такой тощий, он, пожалуй, мог размахивать бейсбольной битой, но вряд ли чем-то потяжелее. Сержанта, однако, тревожило то, что мальчишка держал в правой руке. Каждый день афганские дети приходили к въезду на базу выпрашивать сладости или деньги и уже знали, что обе ладони нужно держать раскрытыми. Сегодняшний мальчишка этого не делал.

— Может, он нам что-то несёт? — с надеждой предположил пулемётчик.

Ему было всего двадцать, но за восемь месяцев в Афганистане он уже успел изрядно ожесточиться — но стрелять по детям ему не хотелось.

Сержант, всего на два года старше и не меньше отмеченный войной, тоже не хотел смотреть на окровавленные останки детского тела, которые оставила бы очередь из пулемёта пятидесятого калибра.

— Похоже на то, — сказал он. Затем принял решение. — Держи его на прицеле. Я спущусь к нему.

— Хорошо, — напряжённо ответил пулемётчик.

Сержант поспешно покинул сторожевую вышку. Спустившись, он трусцой побегал зигзагом между прямоугольными бетонными блоками, расставленными в шахматном порядке, чтобы не допустить свободного проезда на базу. При этом он махнул рукой вниз двум пулемётным расчётам на контрольно-пропускном пункте, давая понять, чтобы они пока воз-

держались от стрельбы. Наконец он миновал заграждения. Пробежал ещё шесть метров и остановился. Не сводя глаз с бежавшего к нему мальчишки, он нажал кнопку рации, висевшей на левом плече.

— Держишь его? — потребовал ответа он, не отводя взгляда от мальчишки.

— Держу, — сдавленно отозвался пулемётчик.

— Продолжай, — приказал сержант.

Не дожидаясь подтверждения, он шагнул вперёд, вытянул левую руку и выставил ладонь в знак остановки. Правую руку он при этом положил на рукоятку Беретты в кобуре справа на поясе. Мальчишка остановился. И тоже протянул правую руку. Однако держал он её горизонтально, и, когда разжал пальцы, сержант увидел на ладони маленькую 8-мм видеокассету без футляра. Он перевёл дыхание. Не двигаясь с места, он осмотрелся. Никакого движения в пределах трёх четвертей круга, которые он мог охватить взглядом. Он опустил левую руку и медленно пошёл к ожидавшему мальчишке. Правую по-прежнему держал на Беретте. Затем он увидел, что на наклейке кассеты чёрным фломастером были написаны буквы *ОСМ*. Сержант остановился.

— Стой! — одновременно заорал он мальчишке, который, похоже, тоже собирался двинуться дальше. Тот ошарашенно уставился на него, но замер на полушаге. — Положи её! — закричал сержант, внезапно почувствовав себя одиноким и беззащитным. — Вниз, на землю! — Он указал левым

указательным пальцем вниз, а правой рукой начал вытаскивать Беретту из кобуры. — Эй, давай! — Сержант сам заметил, каким пронзительным стал его голос. — На землю!

Мальчишка наконец понял. Он просто выпустил кассету из руки. Когда она негромко стукнулась о старый асфальт, сержант вздрогнул. Мальчишка презрительно ухмыльнулся ему. Сержант оставил это без внимания. Левой рукой он нажал кнопку рации, не выпуская мальчишку из виду.

— Что-нибудь вокруг есть? — спросил он.

— Нет, всё чисто, — ответили с вышки.

Сержант постарался не обращать внимания на напряжённый голос пулемётчика. Он оглянулся через плечо на ворота. Бойцы там, вероятно, тоже нервничали: они слышали переговоры по рации. Прежде чем он повернул голову обратно, кто-то дёрнул его за левый рукав. Ему понадобилось огромное самообладание, чтобы не выхватить Беретту и не вскрикнуть от испуга. Это был мальчишка. Пистолет всего в нескольких сантиметрах его не волновал: одной рукой он продолжал настойчиво дёргать сержанта за рукав, что-то ему толкувая, а другой, раскрытой, слегка покачивал с недвусмысленным требованием. Мальчишке наверняка уже заплатил тот, кто его послал, но он не был бы персом, если бы не попытался получить плату дважды. Однако денег у сержанта с собой не было: зачем они на сторожевой вышке? И всё же под пронзительным, требовательным взглядом настойчивого мальчишки ему вдруг стало как-то стыдно. Он достал

из правого кармана брюк начатую пачку ментоловой жевательной резинки и положил мальчишке в ладонь. Тот ошеломлённо посмотрел на неё. Затем на него. Сержант пожал плечами. Мальчишка разразился потоком слов. Сержант не понимал ни слова, но прекрасно осмыслил, что тощий паршивец возмущён. Он напомнил себе, что не он вызвал сюда мальчишку, а что его прислал кто-то другой.

— Жалуйся своему работодателю, — вполголоса ответил он, теперь уже сам возмущённый, таким тоном, что мальчишка обиженно умолк и растерянно посмотрел на него большими тёмными глазами. — А теперь проваливай! Давай, исчезни! — Он махнул мальчишке в ту сторону, откуда тот появился. Тот упрямо посмотрел на него. Сержант ответил пристальным взглядом. Мальчишка сердито выкрикнул ему что-то в лицо, показал средний палец, развернулся и побежал прочь, продолжая ругаться. Сержант посмотрел ему вслед и потянулся к рации. — Всё в порядке?

— Так точно, сарж, — ответил пулемётчик гораздо спокойнее, чем прежде. — Вокруг ничего.

— Доложи в Отдел специальных мероприятий, что для них передали видео, — приказал сержант пулемётчику. Он запнулся: кто-то за пределами базы знал, что здесь размещалось это подразделение. — Пулемётчик, подожди, — отметил он приказ. — Сначала пришли сюда Боба Второго.

— Принял, — снова напряжённо отозвался тот.

Сержант ждал как на иголках. Маленькая видеокассета

вдруг показалась источником беды. Оказаться рядом с ней одному, в двадцати метрах от защиты базы — его разве что не вырвало.

Он с облегчением выдохнул, когда между бетонными блоками появился подтянутый чернокожий солдат в шортах-бермудах и футболке с надписью «Армия», ведя на поводке немецкую овчарку. Это были, соответственно, Боб Первый и Боб Второй, специалисты базы по поиску взрывчатки по запаху. Бобу-человеку хватило одного взгляда, чтобы всё понять. Он остановился, что-то шепнул своему четвероногому коллеге на ухо и отстегнул поводок. Пёс добрался до видеокассеты в четыре прыжка. Обнюхал её, сел и посмотрел на Боба Первого.

— Всё хорошо, сарж, — сказал тот, проходя мимо.

Сержант с облегчением последовал за ним. Videокассету он, впрочем, поднял осторожно. На ощупь она была совершенно обычной, да и выглядела так же. И всё же сержант невольно её понюхал. Для парней за заграждением это, наверное, выглядело довольно нелепо. Сержант перевернул кассету, осмотрел её, затем нажал на защёлку сбоку и открыл защитную крышку. Лента под ней выглядела совершенно нормально. У самого сержанта теперь была цифровая камера, но в его детстве у отца была видеокамера Сони, поэтому он был уверен, что с лентой всё в порядке. Сержант аккуратно убрал кассету в левый нагрудный карман.

Затем он заметил взгляд Боба Второго: тот смотрел на

него точно так же, как до этого мальчишка, ожидая награды. Боб Первый подмигнул ему.

— Сделай вид, что даёшь мне лакомство для него, — весело прошептал он.

Слегка растерявшись, сержант сунул правую руку в карман брюк, сжал её в кулак, вытащил и протянул Бобу Первому. Тот сделал вид, будто что-то забрал у него из пальцев. В следующее мгновение он сунул Бобу Второму в пасть, по-видимому, кусочек сухого корма. Овчарка, обученная искать мины-ловушки и убивать, благодарно сжевала его и посмотрела на сержанта преданными, полными любви глазами, виляя хвостом.

● 08.04.2002, авиабаза Баграм, незадолго до восхода солнца

Военный аэродром, который между собой называли просто *Баграмским аэродромом*, был построен ещё советскими войсками во время их войны в Афганистане. Теперь отсюда начинали действовать западные вертолёты и самолёты, чтобы охотиться на Усаму бен Ладена в стране, которая и для них была во всех отношениях совершенно чужой.

Работу аэродрома обеспечивало четыреста пятьдесят пятое экспедиционное авиакрыло. Это огромное временное формирование вскоре должно было также отвечать за боевое применение эскадрилий, которые будут базироваться здесь.

Старший лейтенант Рэй Фишер, разведчик морской пехоты и начальник резидентуры ЦРУ на базе, понимал, что нельзя просто послать спецподразделения, чтобы ликвидировать организаторов терактов одиннадцатого сентября. Такие операции требовали разведки на месте и поддержки, поэтому были нужны базы. Но тем временем в Афганистан перебрасывали всё больше подразделений. Рэй не верил, что от этого возмездие станет быстрее или эффективнее.

В это раннее и пока ещё свежее утро Рэй совершал свою ежедневную пробежку на пять миль и чувствовал неприятное тянущее ощущение в животе: Джек уже должен был вер-

нуться, но не выходил на связь. Поэтому Рэй был рад закончить пробежку у перрона аэродрома. Вскоре на авиабазу должны были прибыть первые пять боевых самолётов, и Рэй хотел познакомиться с офицером, командовавшей этой группой. Хорошие личные отношения позволяли обходиться без лишних формальностей, а поддержка с воздуха всегда могла пригодиться.

Рэй добрался до участка базы, закрытого для обеспечения полётов. Здесь американские, итальянские и польские сапёры восстанавливали аэродромные сооружения. Более длинная взлётно-посадочная полоса 03R/21L уже действовала, поэтому авиабаза могла теперь принимать не только транспортные вертолёты, но и транспортные самолёты. Вторую полосу, 03L/21R, ещё бетонировали, регулярные боевые вылеты с Баграмского аэродрома официально начинались двадцать шестого апреля. Но уже с сегодняшнего дня сюда должны были прибывать боевые самолёты и вертолёты для отработки порядка действий. Одна только защита крайне чувствительных реактивных двигателей от песка представляла серьёзную сложность. Опыт войны в Персидском заливе тысяча девятьсот девяносто первого года, конечно, имелся, но нынешние двадцатилетние механики тогда ещё учились в школе.

Рэй показал удостоверение, и его пропустили. Как раз садился большой тяжёлый четырёхдвигательный транспортный самолёт С-17 Глобмастер III. За ним, высоко над авиа-

базой, вне досягаемости переносных зенитных ракет, выполняли полёт по кругу пять однодвигательных и чрезвычайно манёвренных Дженерал Дайнэмикс Ф-16 Файтинг Фэлкон. С-17 завершил пробег и освободил полосу. Вскоре и пять светло-серых Ф-16 закончили полёт по кругу. На некотором удалении они один за другим развернулись и начали заходить на посадку с интервалом в двадцать секунд, выстроившись словно бусины на нитке.

Это были самолёты триста восемьдесят девятой истребительной эскадрильи с обозначением «МО» на киях, но при были они не со своей постоянной базы Маунтин-Хоум в Айдахо, а из Эль-Удейда в Катаре, где эскадрилья сейчас размещалась в составе триста шестьдесят шестого авиакрыла.

Первый Ф-16 снижался к полосе 03R/21L.

Это была одноместная машина модификации С. Она несла вооружение для воздушного боя и ударов по наземным целям. Для выполнения истребительных задач на ней имелись четыре ракеты класса «воздух — воздух». Две крупные ракеты средней дальности AIM-120 AMRAAM с радиолокационным наведением были установлены на пусковых направляющих на законцовках крыла, две меньшие ракеты ближнего боя AIM-9X Сайдуиндер с инфракрасным наведением — на внешних узлах подвески под крылом. Раньше эти два типа ракет размещали наоборот, но затем выяснилось, что более тяжёлые AIM-120 на законцовках крыла лучше влияли на лётные характеристики Ф-16. Для ударов по

наземным целям на средних узлах подвески под крылом висели две управляемые бомбы Пейвуэй. Они поражали цели с высокой точностью, если те подсвечивались специальным лазером. На внутренних подкрыльевых пилонах и центральном пилоне под фюзеляжем Ф-16С были установлены подвесные топливные баки.

Лётчик заходил на посадку с высокой вертикальной скоростью, чтобы сократить время возможного обстрела ракетами класса «земля — воздух», поэтому боевой самолёт буквально плюхнулся на полосу. После того как оба колеса основных стоек шасси коснулись бетона, Ф-16 продолжил пробег с поднятым носом, чтобы тормозить аэродинамически, за счёт крыла, и не использовать тормозной парашют. Неполную минуту спустя Ф-16 со свистящим двигателем прокатился мимо Рэя, покачивая носом.

С интервалом в сорок секунд мимо него прошли вторая, третья и четвёртая машины. Все они тоже были модификации С и несли такое же вооружение, как первый Ф-16. Несмотря на большую огневую мощь доставленного арсенала, вооружение Файтинг Фэлконов предназначалось лишь для обучения технического персонала авиабазы обращению с ним.

Пятым Ф-16, двухместной машиной модификации D, управляла капитан Тесса Энглин, командир группы. Самолёт тоже нёс три подвесных топливных бака, но вооружения не имел: лишь на правом переднем узле подвески под возду-

хозаборником висело устройство подсветки целей для бомб. Эта машина предназначалась для визуальной разведки, поэтому на заднем сиденье, вероятно, находился не лётчик, а офицер разведки. Когда двухместный самолёт прокатился мимо Рэя, Энглин весело улыбнулась и помахала ему.

Наземная команда триста восемьдесят девятого авиакрыла прибыла в Баграм ещё неделю назад и уже обустроилась. Теперь техники зафиксировали Ф-16, заземлили их и приступили к послеполётным осмотрам.

После посадки Энглин пришлось уладить с техником какие-то формальности у своего самолёта, затем она поговорила со своими лётчиками. Не прошло и пяти минут, как Энглин направилась к Рэю.

В лётном комбинезоне, противоперегрузочных брюках, спасательном жилете, шлеме с кислородной маской, подвесной системе и с Береттой М9 в кобуре она выглядела не менее экипированной, чем боец спецназа на передовой. В сущности, она от него ничем и не отличалась. Только её аналог винтовки весил двадцать тонн и в полёте развивал мощность в 40 000 лошадиных сил.

— Капитан Энглин, — поприветствовал её Рэй и протянул руку. — Рэй Фишер, здешний начальник ЦРУ. Но до недавнего времени — лейтенант ФОРЕКОН.

Рэй всегда говорил это, знакомясь с действующими военнослужащими. И всё ещё это звучало немного как оправда-

ние.

— Лейтенант Фишер, — ответила лётчица и крепко пожала ему руку.

Взгляд её светлых глаз был спокойным и изучающим, и, похоже, Рэй ей уже понравился. Это было взаимно. Тесса Энглин, судя по всему, была очень прямой, уверенной в себе и опытной. Никакой ложной скромности, но и никакого высокомерия сверх той доли, которая необходима каждому бойцу элитного подразделения.

Энглин сняла шлем и взъерошила волосы.

— Ну, как здесь? — спросила она.

Она имела в виду именно Баграм: несколько боевых вылетов над Афганистаном у неё уже было за плечами. Рэй пожал плечами.

— Пока всё временное, — ответил он. — Авиабазу расширяют, уже даже оборудуют тюрьму ЦРУ. Ну, это не моя забота, я должен лишь поставлять заключённых. Обещают открыть здесь Пицца Хат, а пока мы живём в палатках. Часть этого поселения называется «Город гадюк». — Неофициально Ф-16 называли «Гадюкой», потому что передние наплывы его крыла напоминали гадюку с раздутым капюшоном, и Энглин ухмыльнулась. — А в остальном в это время года довольно холодно, ночью задница мёрзнет, и очень много песка.

Рэй замолчал и посмотрел на молодого солдата с автоматом М16 поперёк спины, который подбежал к контроль-

но-пропускному пункту лётной зоны. Часовые четыреста пятьдесят пятой экспедиционной оперативной группы не пропускали его, потому что он служил в сухопутных войсках. Он пытался им что-то объяснить, затем увидел Рэя, грудью напёр на выставленный автомат часового и замахал руками.

— Мистер Фишер! — настойчиво закричал он. Часовой повернул голову. Рэй показал ему поднятый большой палец, и тот пропустил солдата. Солдат побежал. Перед Рэем, который вместе с Энглин шёл ему навстречу, он остановился, пытаясь отдышаться. — Сэр, вас требуют в штабе, — выдохнул он. — Для вас поступило видеообращение.

Он резко осёкся и почти испуганно посмотрел на Энглин. Вообще-то он уже сказал лишнее, ведь Рэй служил в Фирме, как неофициально называли самую известную разведывательную службу США.

— Всё в порядке, капрал, — успокоил его Рэй. — Что за видеообращение?

— Не знаю, сэр, — ответил солдат. — Какой-то мальчишка принёс видеокассету на главный пост. На ней было написано *ОСМ*. Поэтому мой сарж отправил меня в штаб ЦРУ. Но там все заволновались, и один техник попросил меня привести вас отсюда.

— Большое спасибо, капрал. — Он пожал солдату руку. Тот коротко улыбнулся, развернулся и поспешил к контрольно-пропускному пункту. Рэй посмотрел на ожидавшую лёт-

чицу. — Вероятно, это сообщение от моего брата, я три дня назад отправил его на задание, — объяснил он ей.

— Если могу помочь, лейтенант, просто обращайтесь, — сказала Энглин.

— Спасибо, до встречи, — ответил Рэй.

Они с Энглин кивнули друг другу. Она ушла, а Рэй последовал за солдатом.

• 08.04.2002, авиабаза Баграм, восход солнца

В оперативном штабе, маленькой голой комнате в наскоро сколоченном бараке — по крайней мере, не в палатке — всё гудело, словно в пчелином улье, на который только что напал голодный медведь. Здесь собрались все сотрудники ЦРУ на базе. Педантичный до крайности заместитель Рэя Венцель Котовски, как всегда, был аккуратно одет, но не выбрит. Таким его ещё никто никогда не видел, однако сейчас это никого не интересовало. Вздуродораженный технический руководитель резидентуры ЦРУ, инженер-электрик Джошуа Седвиг, а также женщина-техник и аналитик дежурной смены ждали у аппаратуры.

Седвиг увидел Рэя и поманил его к себе. Рэй встал рядом с ним между стульями техника и аналитика. Седвиг повернул голову.

— Тихо! — рявкнул он на всю комнату. — Заткнулись! Живо! — Взволнованный гул голосов почти мгновенно стих. Главный техник кивнул и повернулся к Рэю. — Кассету передали до восхода...

— Знаю, — нетерпеливо перебил его Рэй.

— Хорошо, — коротко ответил Седвиг. — Э-э, мы чего только с собой не привезли, но адаптера для кассет Video8 не взяли.

— Зато у нас был, — подал голос сзади Котовски.

Он был административным сотрудником. Его отдел следил за тем, чтобы всё на базе работало более-менее чётко и упорядоченно.

— Да, у бюрократов нашёлся, — проворчал Седвиг, страдальчески закатив глаза. — То есть мы и ОСМ занимаемся настоящим делом, а они припасли для нас адаптер VHS за три доллара пятьдесят. Очень героично.

— Джош, — одёрнул его Рэй.

— И спутниковые снимки я вам тоже достал, — упрямо добавил Котовски, едва Седвиг умолк.

— Ага, — буркнул тот. — С опозданием на несколько часов.

Рэй резко повернулся к нему.

— И? — потребовал он ответа, поскольку Седвиг не продолжал. — Что на них?

— Э-э... мы нашли джип Джека, — запинаясь, ответил тот. Он откашлялся. — Машина стоит у подножия горы, на которой была назначена встреча. В двух километрах ниже аула. В самом селении никакого движения. Просто ничего не видно: ни людей, ни коз, вообще ничего.

— Следы боя? — потребовал ответа Рэй.

— Как раз собирался сказать, — обиженно отозвался Седвиг. — Некоторые неровности рельефа похожи на воронки от гранат, но из-за каменистой почвы точно определить нельзя, — доложил он.

— Тел нет? — уточнил Рэй.

— Тел нет, — подтвердил Седвиг.

— И никаких следов Джека и его бойцов?

— Верно.

— Может, Джек взял шаха и теперь гоняется за бен Ладеном, — сказал кто-то сзади.

Это было наилучшее объяснение происходящему. Верили в него кто-нибудь — другой вопрос, но верить хотели все.

На мгновение напряжение в комнате стало почти осязаемым, хотя слышались лишь гудение видеомэгнитофона и напряжённое дыхание множества людей.

Рэй повернул голову и посмотрел на сидевшую техника. Она кивнула. Он тоже. Она невольно перевела дыхание и включила запись.

Запись была не от Джека — на записи был он сам. Каждый в бараке, кто теперь теснился перед экраном, за один удар сердца понял, что происходит и чем это закончится. Никто не слушал разглагольствований человека с закрытым лицом, все смотрели только на Джека, стоявшего рядом с ним на коленях.

Как ни странно, он выглядел спокойным, словно примирился с собой, с миром и с судьбой. Он тоже не слушал потока слов о лживых, лицемерных американцах, которые послали убийц, чтобы исподтишка убить истинного воина Бога. Глаза его были закрыты, губы шевелились, словно он читал

последнюю молитву. Его поза выдавала боль — и безразличие к ней. Он закончил молиться и затем просто ждал, пока человек с закрытым лицом закончит свою болтовню.

Наконец это произошло. За спину Джека встал великан с обликом и взглядом берсерка. Рэй услышал короткий стон техника рядом с собой. Джек слегка склонил голову, ожидая выстрела в затылок, которого не услышит. Но великан схватил Джека за волосы, запрокинул ему голову и продолжал тянуть, заставляя его выгнуться назад. Джек удивлённо открыл глаза. Лишь для того, чтобы на мгновение увидеть блеснувший перед лицом клинок. Прежде чем он понял, что происходит, клинок с резким металлическим звуком располрол ему горло. Джек невольно извернулся от боли. Но великан крепко держал его голову за волосы. В следующее мгновение Джек вдруг словно перестал чувствовать мучения, его сознание всё больше затуманивалось, пока жизнь покидала его вместе с кровью. Техник теперь кричала, в ужасе глядя на экран широко раскрытыми глазами и прижимая ко рту обе сжатые в кулаки руки, по её щекам текли слёзы. И всё же она не могла отвести взгляд от Джека. На мгновение почти показалось, что он презрительно ухмыляется, словно чувствует себя отрешённым. Словно ему было всё равно, что его сейчас режут как скотину, ведь есть его афганцы не станут.

Но великан ещё не закончил. Вдруг он рывком подал клинок вперёд, надавил и медленно потянул обратно. Джека пронзила новая волна боли. Теперь в бараке закричали

несколько человек: Джеку не просто перерезали горло, ему отрезали голову. Как бы он ни сопротивлялся боли, его тело больше не подчинялось мозгу. Он бесконтрольно дёргался и извивался, тщетно пытаясь уйти от клинка, который всё глубже врезался в шею. Джек вскрикнул, но из разреза на горле вырвалось лишь несколько кровавых пузырей. Разрез становился всё шире, потому что великан тянул его голову назад. Измученное тело Джека теперь судорожно сопротивлялось боли, независимо от мозга, функции которого начали угасать, хотя он всё ещё этому противился. Великан толкнул нож вниз, затем с нажимом потянул обратно вверх. Клинок прошёл между двумя шейными позвонками, нервы спинного мозга были перерезаны, и Джек наконец умер.

С дьявольской ухмылкой, брызжа слюной, косматый, перепачканный кровью великан показал в камеру отрезанную голову Джека, покачивая ею, а другой рукой потрясал ножом, с клинка которого капала кровь. Камера отдалила изображение. Теперь было видно неподвижное тело Джека. Из перерезанных кровеносных сосудов на шее кровь уже только капала. Великан с закрытым лицом властно указал вправо. Камера послушно повернулась в сторону. В кадре появилось тело Ника Кидмана. Сержант был казнён выстрелом в голову.

Запись оборвалась чёрно-белыми помехами.

В бараке стояла мёртвая тишина.

Почти.

Был слышен скрежет зубов Седвига. Безмерно потрясённые, отчаянные рыдания техника.

А Рэй чувствовал беззвучный вой, разрывавший его сердце.

● 08.04.2002, авиабаза Баграм, вскоре после восхода солнца

То, что он затем услышал, напоминало звук тупой пилы, которую тянули сквозь слишком толстое и твёрдое дерево. Это был его собственный голос.

— Отмотай назад.

Но техник словно оцепенела от ужаса и ничего вокруг не замечала. Он протянул к ней левую руку. Та напоминала суковатую ветку. Рэй легонько толкнул женщину.

— Рэй, не надо, — глухо произнёс кто-то.

— Отмотай. Назад, — прохрипел он приказ тоном, не допускавшим возражений и бесконечно пустым.

Техник пришла в себя. Она оторвала взгляд от монитора и уставилась на кнопки видеомэгнитофона. Затем нажала одну из них. На экране появились две мерцающие горизонтальные полосы. За ними казнь Джека стремительно прокручивалась в обратном порядке. Зрелище было жутким.

Кассета перемоталась к началу. Раздался щелчок, и видеомэгнитофон начал воспроизводить запись сначала. Джек, живой, спокойный, молящийся. Женщину-техника затрясло от страха снова увидеть его казнь.

— Стоп, — проревел Рэй. — Стоп! — Техник опомнилась и, дрожа, выполнила приказ. — С этого места включи запись на половинной скорости. — Голос Рэя напоминал скрежет

ржавого гвоздя, вытаскиваемого из старого гроба. — Давай.

— Рэй, не мучай себя, — сказал Винц Котовски, сдерживая самые горькие рыдания в своей жизни. — Запомни его другим.

Рэй указал на экран.

— Смотри, — сказал он яростным, полным гнева голосом. — На его губы. — Он смотрел на стоявшего на коленях младшего брата, который за считанные мгновения до своей жестокой смерти что-то говорил, словно отрешившись от всего. — ...там Абдул нас предал. Ник и Артур мертвы. Шах — тот, что стоит за мной с закрытым лицом, — прохрипел Рэй с ненавистью. Сейчас говорил он сам, но, читая слова по губам младшего брата, слышал, как тот обращался к нему с того света. — Сегодня суббота. Примерно в половине шестого вечера по местному времени я видел прямо над собой Международную космическую станцию. Думаю, здесь база шаха. Передай привет родителям, брат, и прощай. Я люблю... — Рэй оборвал себя. — Стоп! — взвыл он. — Выключи это! Выключи...

Прошло мгновение. Ещё одно. Ещё одно. Легче не становилось, только хуже. Рэй тяжело повернулся и обвёл взглядом лица подчинённых.

— Всем выйти, немедленно, — приказал он. Один из аналитиков хотел возразить, но Рэй посмотрел на него так, что спорить было бесполезно. — Вон, сейчас же! — Пока ана-

литик выходил из барака, недовольно ворча, Рэй указал на техника и аналитика перед мониторами. — Вы двое тоже. — Они молча встали. Не вытирая заплаканного лица, техник, пошатываясь, вышла вслед за остальными вместе с аналитиком, не проявлявшим никаких чувств. Рэй толкнул Седвига. — Ты их заменишь, — распорядился он. — Винц, соедини меня с ВВС. — Он запнулся и напряжённо задумался. — С капитаном Энглин, — уточнил он. — Она только что прибыла.

В глазах Котовски, только-что ещё безжизненных, тут же вспыхнула жажда крови.

— Лучше я сразу приведу её сюда, — отрывисто сказал он и бросился наружу.

Рэй посмотрел на Седвига.

— Джош, немедленно звони и найди кого-нибудь из Национального управления по авиации и исследованию космического пространства кто сможет сказать, где именно находилась Международная космическая станция позавчера в половине шестого вечера, и добейся, чтобы на это место сразу навели спутник Кихоул. Я хочу знать, где обитает этот шах.

Он повернул стул техника, неловко плюхнулся в него спиной и закрыл глаза. Приглушённо, словно сквозь стену, он слышал, как рядом Седвиг говорил с кем-то по телефону о НАСА.

Стук двери вернул его в реальность, которая ощущалась как раскалённое железо, проворачиваемое в гноящейся ране. Рэй открыл глаза и уставился на Котовски и Энглин.

— Капитан, — прохрипел он, тяжело поднимаясь, — спасибо, что пришли.

— Она всё знает, — вставил Котовски.

Именно так Энглин и смотрела. Так, как чувствовал себя Рэй. Он благодарно кивнул.

— Капитан, подготовьте свои самолёты к немедленному вылету на бомбардировку, — попросил он Энглин.

— Лейтенант, — начала лётчица потеряннным голосом. — У нас есть восемь бомб с лазерным наведением, но наш единственный контейнер ЛАНТИРН для подсветки целей неисправен. Столкновение с птицей по пути сюда.

Инфракрасная система навигации и целеуказания для ночных полётов на малой высоте позволяла также подсвечивать цели для бомб Пейвуэй. Их можно было применять и как обычные свободнопадающие бомбы с относительно высокой точностью, но если при этом возник бы сопутствующий ущерб, всем причастным грозило бы не только увольнение со службы с позором, но и суд военного трибунала.

Рэй подавил гнев, взорвавшийся у него в груди. Спутниковых снимков ещё не было, но всем было ясно, что шах почти наверняка спрятал свою базу среди жилых домов.

— Подготовьте самолёты к вылету, — попросил он. — Я попробую организовать подсветку целей. Если получится,

придётся действовать быстро.

— У вас есть полномочия разрешить бомбардировку? — спросила Энглин.

— Давайте поступим иначе, — предложил Седвиг, прежде чем Рэй успел ответить. — Сымитируем разведывательный вылет и нанесём удар в ответ на..., — он сглотнул, — на запрос Джека о немедленной поддержке с воздуха.

— Нет, для этого нам пришлось бы подделать запрос по спутниковому телефону, — возразил Рэй. Он перевёл дыхание. — Мы должны провести всё как положено. И да, капитан, у меня есть разрешение на ликвидацию шаха.

— Да, но только если мы не сможем его завербовать или взять в плен, Рэй, — поспешно напомнил ему небритый заместитель.

Рэй с трудом перевёл на него взгляд.

— Именно, — проворчал он. — Джек ничего не сказал о том, знает ли шах что-нибудь об Усаме бен Ладене. Иначе он нашёл бы на это время. — На мгновение обессилев, Рэй наклонился вперёд и опёрся обеими руками о стол. — А такое, — он глазами указал на экран, — больше никогда не должно повториться. Все должны понимать, что с нашими людьми так обращаться нельзя. — Энглин кивнула и молча вышла из барака. Рэй снова сел рядом с Седвигом. — Сейчас мы найдём ей целеуказателя.

● 08.04.2002, авиабаза Баграм / США / Аравийское море

Международная космическая станция вращалась вокруг Земли на высоте четырёмсот километров по орбите, наклонённой к экватору. Орбиту постоянно корректировали из-за космического мусора и для компенсации торможения атмосферой, так что в течение двух месяцев МКС можно было увидеть почти из любой точки Земли. Её положение к тому времени уже можно было частично отслеживать в постоянно разраставшемся интернете. С допуском ЦРУ Седвигу потребовалось чуть меньше семнадцати минут, чтобы через Национальное управление по аэронавтике и исследованию космического пространства выяснить, откуда Джек видел МКС.

Добиться наведения туда разведывательного спутника оказалось несравненно труднее. Седвигу пришлось кричать, чтобы начальник смены Космического командования ВВС на авиабазе Петерсон, высшей инстанции военно-космических сил, хотя бы начал его слушать. Впрочем, в Колорадо-Спрингс был уже поздний вечер. Получив разрешение начальника смены и охрипнув, Седвиг обратился в штаб четырнадцатой воздушной армии на авиабазе Ванденберг в Калифорнии. Затем он позвонил в пятидесятое космическое крыло на авиабазе Шривер, тоже находившейся неподалёку от Колорадо-Спрингс. Наконец ему позволили изложить

требование Рэя, к тому времени переформулированное в просьбу, в первой эскадрилье космических операций, которая следила за спутниками и управляла ими. Так Седвиг прошёл всю иерархическую лестницу сверху донизу.

Потребовался час, чтобы оператор не только прошёл с запросами обратно вверх по тем же инстанциям, но и добрался до Специального центра обороны по ракетам и космонавтике, который в Агентстве национальной безопасности отвечал за космическую деятельность. Наконец оператор вывел спутник КН-12 в нужное положение. Снимки должны были поступить через час.

Рэй тем временем пытался сделать бомбардировку вообще возможной. Запросить дополнительные Ф-16 из Катара было нельзя: ВВС лишь создавали необходимые для войны возможности, в том числе обеспечение наличия самолётов-заправщиков. Любой вылет, не заявленный минимум за восемь часов, нельзя было осуществить. Доставить целеуказатель в Баграм раньше чем через одиннадцать часов тоже не представлялось возможным.

Но из текущей оперативной сводки Пентагона следовало, что в северной части Аравийского моря находилось соединение авианосца ВМС США Карл Винсон CVN-70. В состав его палубного авиакрыла CVW-11 входила эскадрилья VF-213 Чёрные львы, летавшая на Грумман Ф-14 Томкэт. Эти боевые самолёты могли использовать контейнеры AN/

ААQ-14 ЛАНТИРН производства Локхид Мартин.

Командир авиакрыла немедленно разрешил вылет одного Ф-14 и одного Локхид S-3 Викинг. Этот боевой самолёт, изначально предназначенный для борьбы с подводными лодками, выглядел как сильно уменьшенный пассажирский лайнер и использовался в ВМС также в качестве воздушного заправщика.

Когда снимки с КН-12 наконец поступили, все боевые самолёты были готовы к вылету. Поэтому к анализу снимков сразу приступили в Космическом командовании и боевых эскадрильях ВВС и ВМС. Рэй тоже получил возможность их увидеть.

В небольшой скудной долине отчётливо виднелось несколько, мягко говоря, убогих хижин. На серии снимков за восемь минут — столько времени спутник мог фотографировать цель — были видны и люди. Насколько можно было разобрать, вооружены были не все. Вероятно, это означало, что в хижинах действительно жили или удерживались мирные жители. Поэтому требовалось нанести точный бомбовый удар по той группе строений, которые выглядели укреплёнными и в которые входили и из которых выходили только вооружённые люди.

Ф-14 уже взлетел, поскольку ему предстоял более долгий путь. S-3 должен был подняться в воздух лишь тогда, когда

Томкэт будет возвращаться, чтобы дозаправить его.

Тесса вырулила на взлётно-посадочную полосу, направила свой Ф-16 левее осевой линии и остановилась. Справа и немного позади занял позицию её ведомый. Вторая пара Ф-16 остановилась на рулёжной дорожке, чтобы не попасть под струи выхлопных газов первой пары. Тесса получила разрешение на взлёт. Левой рукой она до упора подала вперёд рычаг управления двигателем на левой консоли рядом с катапультным креслом. Двигатель вышел на максимальный бесфорсажный режим, вдавливая Ф-16 в амортизаторы стоек шасси. Тесса перевела рычаг вверх и влево через ограничитель, затем вперёд, в сектор форсажа. Как только двигатель развил максимальную тягу, она отпустила тормоза. Через несколько сотен метров Ф-16 разогнался до скорости отрыва, и Тесса коротким плавным движением боковой ручки управления на себя подняла его в воздух.

Ф-16 не был первым самолётом с электродистанционной системой управления, в которой орган управления лишь формировал электрические команды и передавал их компьютеру управления полётом, а тот уже приводил в действие управляющие поверхности. Но он стал первым американским тактическим боевым реактивным самолётом с такой системой и первым в мире, у которого вместо центральной ручки управления была боковая на правой консоли. По обеим причинам Ф-16 неофициально называли *Электрическим самолётом*. Однако полёт на нём был ничуть не менее ре-

альным, чем на других реактивных самолётах.

Рэй снова стоял у конца взлётно-посадочной полосы. Из-за небольшого расстояния до цели и отсутствия у талибов боевой авиации подвесные топливные баки и ракеты класса воздух — воздух сняли, каждый Ф-16С нёс лишь две бомбы.

Четыре боевых самолёта взлетели парами. Затем они выключили форсаж и выстроились в боевой порядок, превращаясь во всё более мелкие точки.

Рядом с Рэем стояли все его сотрудники. Он предпочёл бы прилететь туда на вертолёте и лично задушить шаха. Но это было невозможно. Потому что американских сил в Афганистане пока не хватало. Команда ЦРУ под началом Рэя состояла из гражданских, только он сам был военным. Ни одного из трёхсот солдат десятой горной дивизии нельзя было снять с охраны аэродрома для проведения операции. Немногочисленные десантники восемьдесят второй воздушно-десантной дивизии и британские морские пехотинцы из сорокового отряда коммандос, размещённые здесь, выполняли собственные задания. Специалисты двести шестьдесят девятой роты связи были подготовлены к подобным операциям не больше, чем сотрудники ЦРУ. Но даже если бы возможность задействовать войска нашлась, все доступные вертолёты всех видов вооружённых сил США либо выполняли задания, либо проходили техническое обслуживание.

Когда Рэй со своими людьми возвращался обратно, он думал о том, будет ли вылет Ф-16 успешным. Отомстить шаху — одно. Другое, как бы мрачно это ни звучало — афганцы должны были понять, что американских солдат нельзя убивать с такой зверской жестокостью.

Но, вероятно, для этого было уже на несколько тысяч лет поздно: ничего другого афганские бойцы не знали. Во время войны против СССР моджахеды с самого начала жестоко пытали и убивали пленных советских солдат. Это повлекло за собой карательные операции советских войск. Как и тогда, судьба Джека теперь должна была вызвать новый виток спирали насилия. Ведь в любой армии всегда ходили слухи, пресечь это было невозможно, и оставалось лишь вопросом времени, когда станет известно, как его убили. За это американские солдаты в отместку станут расправляться с пленными талибами и моджахедами.

Значит, скоро начнётся настоящая война. Проклято долгая и до крайности мало что дающая. Но страшно кровавая.

• 08.04.2002, юго- восточный Афганистан

Томкэт первым прибыл в район цели незадолго до двух часов. На высоте километра над изрезанными горами, в четырнадцати километрах от района цели, лётчик ввёл Ф-14 в плавный вираж по широкой окружности, в центре которой находился объект атаки. Однако его пока не было видно. Точно так же и моджахеды оттуда не должны были видеть Ф-14. К пролетающим боевым самолётам они уже привыкли, а лётчик и сидевший за ним оператор радиолокационного перехвата сосредоточились на отражении возможной атаки ракетой переносного зенитного комплекса.

Тесса издалека увидела Ф-14D. Большой двухдвигательный реактивный самолёт с двумя киями полностью развернул подвижные крылья вперёд, чтобы лететь как можно медленнее. В такой конфигурации тяжёлый Ф-14 обладал и наилучшей манёвренностью. Тесса нажала кнопку радиосвязи.

— Привет, флот, — коротко поприветствовала она в эфире. — Говорит Тандерболт-один, — представилась она, используя прозвище триста восемьдесят девятой истребительной эскадрильи.

— Говорит Лайон-двести десять, — ответил оператор радиолокационного перехвата, тоже используя позывной своей

эскадрильи. — Готовы к подсветке целей.

— Атакуем, — сказала Тесса. — Лайон-двести десять, командование за вами.

— Принято, — коротко ответил оператор. Ф-14 развернулся на курс Ф-16 и набрал высоту. Пока самолёты приближались к цели, оператор включил подсветку и захватил хижины на склоне. Неполную минуту спустя все пять самолётов одновременно достигли долины на разных высотах. — Танเดอร์болт-один, я Лайон-двести десять, — вышел на связь оператор Ф-14. — Атака — пошла!

Тесса подала боковую ручку управления вправо и вперёд. Ф-16 накренился и устремился между горами вниз, в долину. Датчики системы наведения бомб захватили отражённый лазерный луч Ф-14. Индикатор на экране управления вооружением сменил зелёный цвет, означавший активировано, на красный — готово к боевому применению. Тесса дважды нажала большим пальцем кнопку сброса на боковой ручке управления и потянула её на себя. Обе бомбы отделились от пилонов, каждая — с коротким, но сильным толчком. Это были GBU-12/B, созданные на основе свободнопадающей бомбы Марк-82 массой всего 227 килограммов. Но в разрежённом горном воздухе избавление от полутонны веса и дополнительного аэродинамического сопротивления чрезвычайно благотворно сказалось на Ф-16. Теперь аэродинамически чистый, если не считать пустых бомбовых пилонов, и освобождённый от груза Ф-16 резко развернулся и пронёс-

ся над горным хребтом, когда Тесса сильно потянула ручку влево и на себя. Её ведомый пошёл на снижение следом за ней, пока оператор в Ф-14 подсвечивал следующее здание.

— Пошёл! — скомандовал он.

Ведомый сбросил бомбы и ушёл в сторону, противоположную той, куда полетела Тесса. В долине первые две бомбы взорвались грязным огненным шаром. Пока Тесса и её ведомый приближались к зоне ожидания, вторая пара бомб взорвала свою цель.

— Пошёл!

Третий Ф-16 сбросил бомбы по команде оператора. По ещё одной дуге, чтобы возможный стрелок с зенитной ракетой на земле не смог захватить цель благодаря повторению похожего манёвра, третий Ф-16 вылетел из долины.

— Пошёл! — разрешил оператор последнюю атаку.

— Игла в воздухе! — одновременно закричал лётчик Ф-14. — Прекратить атаку!

Значит, здесь были афганцы с российскими переносными зенитными ракетами.

— Меня захватили! — крикнул Джейкоб Макдауэлл, лётчик четвёртого Ф-16.

Пока под ним взрывались пятая и шестая бомбы, он сбросил свои две, не целясь, и спикировал на облако взрыва, чтобы сбить с толку зенитную ракету с инфракрасным наведением. Однако ему пришлось немедленно потянуть ручку на себя, чтобы не столкнуться с горой. Одновременно Джейкоб

до упора толкнул рычаг управления двигателем вперёд. Но разрежённый воздух на высоте, несмотря на холод, содержал мало кислорода, и форсаж не давал особенно большого прироста тяги. Тем не менее Ф-16 поднял нос. Почти задевая гору нижней частью фюзеляжа, он с трудом набирал высоту. Ракета не смогла повторить довольно резкий манёвр Ф-16 и врезалась в гору под ним. Но несколько осколков попали в самолёт. Правую половину горизонтального оперения обрубило наполовину, из сопла выбило два сегмента, и его заклинило. Форсаж погас, а поскольку сечение сопла теперь было слишком большим, тяга сразу упала. Ф-16 заскользил вправо. Джейкоб убрал рычаг на максимальный бесфорсажный режим и выравнивал самолёт. Он оттриммировал его, затем попытался включить форсаж: у того были собственные системы зажигания и подачи топлива, независимые от основного двигателя. Но они тоже были частично повреждены, и прирост тяги оказался незначительным. В ту же секунду снова пронзительно зазвучал инфракрасный сигнализатор угрозы.

— Меня снова захватили! — выдохнул Джейкоб в эфир.

— Добавь газу! — крикнул лётчик Ф-14. — Уходи!

Он бросил свой тяжёлый самолёт вслед за Ф-16 в долину, словно пикирующего орла, одновременно сбросив оба подвесных топливных бака под воздухозаборниками. В суматохе боя талибы, вероятно, не смогли отличить их от бомб и бросились в укрытия — сопровождение подбитого Ф-16 пре-

рвалось. Томкэт взмыл вверх на огненных столбах форсажа и тяжело развернулся на запад.

— Второй и третий — на базу! — крикнула Тесса по радио.

Пока оба самолёта выполняли её приказ, она ввела свой Ф-16 в крутой вираж и ускорилась. Она хотела догнать четвёртый Ф-16 и сопровождать его на случай, если он всё же начнёт падать и Джейкобу придётся катапультироваться. Тогда она, возможно, даже сможет защитить его на земле: у её бортовой пушки был полный боекомплект. Или хотя бы будет знать его местоположение и сможет организовать спасательную операцию.

Тесса обогнала справа и сверху Ф-14, который как раз выравнивался, и последовала за четвёртым Ф-16, исчезавшим между горами с тонким дымным следом из двигателя. В этот момент Ф-14 вдруг резко завалился влево, словно у него отказал левый двигатель. Тесса увидела вспышку пламени из левого сопла. Затем она пролетела мимо Ф-14. Она проверила высоту и увидела дымный след четвёртого Ф-16, после чего обернулась. Томкэт с трудом выравнился, и тут его левый двигатель взорвался. Лётчик пытался удержать Ф-14 от вращения, пока отстреливался фонарь кабины. Сначала из Ф-14 катапультировался оператор, затем лётчик. Ракетные двигатели катапультирных кресел подбросили их как можно выше, прежде чем раскрылись парашюты. Тем временем падавший в штопоре Ф-14 ударился о землю и взорвался.

Тесса увидела, как один за другим раскрылись два парашюта. Она ещё раз посмотрела вслед товарищам, затем уменьшила тягу и ввела Ф-16 в крутой левый вираж. Ища глазами парашюты экипажа Ф-14, она нажала кнопку отстрела тепловых ловушек. Магниевые факелы вылетали из касеты в нижней части Ф-16 и горели с чрезвычайно высокой температурой, служа ложными целями для ракет с инфракрасным наведением. Завершая разворот, Тесса увидела оба парашюта. Их разносило в стороны, но недалеко друг от друга. Через несколько секунд сначала один, затем другой исчезли среди деревьев можжевельной рощи. Тесса сделала ещё один круг, отстреливая тепловые ловушки. Счётчик неуклонно приближался к нулю. Тесса не могла разглядеть морских лётчиков. Даже если они слышали её двигатель, им лучше было не показываться: здесь наверняка были талибы. Тесса завершила второй разворот, выровняла Ф-16, добавила тягу и повела самолёт вверх.

— Бедствие, бедствие, бедствие, — передала она по открытому каналу, выделенному для этой операции. — Лайон-двести десять разбился. Лайон-двести десять разбился. Видела два парашюта, повторяю: два парашюта. Ими управляли. Приземление, по-видимому, прошло успешно. Оба лётчика находятся в лесу, сейчас визуального контакта с ними больше нет. Покидаю район из-за нехватки топлива. В районе падения определённно есть Чарли, поисково-спасательной группе нужно прикрытие. Повторяю: Блэк

Хокам поисково-спасательного подразделения требуется сопровождение боевых вертолётчиков Апач.

— Проклятое дерьмо! — заорал кто-то в эфире, вероятно, ответственный за операцию офицер ВМС.

Судя по тому, как связь оборвалась со злобным треском, он был зол на ВВС, на ЦРУ и на всех остальных.

— Джейкоб, я Первый, — вызвала Тесса. — Доложи состояние.

— Говорит Четвёртый, — отозвался лётчик повреждённого Ф-16. В его голосе слышался стыд, словно Ф-14 разбился по его вине. — Все системы, кроме управления соплом, в порядке. Но, думаю, дотяну.

— Принято, — ответила Тесса. — Первый, конец связи. Плавным движением боковой ручки управления она вернула свой Ф-16 на курс к Баграму. Затем перевела дыхание.

Вылет продолжался едва ли два часа, но, когда Тесса вышла на посадочную прямую в Баграме, она чувствовала себя выжатой. И злой. Вид трёх остальных Ф-16, целых и невредимых на земле, этого не смягчил. Где-то в этих проклятых горах два товарища из ВМС сейчас боролись за жизнь. А она ничем не могла им помочь.

Рэй Фишер ждал её на стоянке. Наверняка чтобы поблагодарить. Тесса открыла фонарь кабины. Пока он поднимался, она сдвинула вверх тёмный светофильтр шлема и посмотрела на Рэя. Он словно застыл.

• 08.04.2002, авиабаза Баграм, после полудня

Тесса отсоединила правое крепление кислородной маски от шлема.

— Что с экипажем Ф-14? — спросила она Рэя, перебираясь на лестницу, которую техник навесил на край кабины.

Кислородная маска ударила её по лицу, но она этого не заметила.

— Перенаправили самолёт дальнего радиолокационного обнаружения и управления АВАКС, который координировал действия Ф-15Е на юге, — начал Рэй, протягивая руку, чтобы поддержать её. — Он смог связаться с морскими лётчиками. — Тесса улыбнулась: хоть какая-то надежда. Но лицо Рэя оставалось удручённым. — Оба ранены, один не может передвигаться. — Он глухо проворчал. — Их должно забрать подразделение бойцов Дельты, но это произойдёт только через два дня.

Тесса внимательно посмотрела на его лицо.

— Что в этом плохого? — спросила она.

— Два дня они не проживут, — ответил он. — Вся военная машина в Афганистане не в состоянии провести спасательную операцию раньше.

Это прозвучало окончательно. А Рэй знал, как здесь обстояли дела: он находился в стране с первого дня амери-

канского вторжения. Его глубокая подавленность передалась Тессе. Она вдруг тоже почувствовала себя совершенно выжатой, хотелось только сесть на землю и разрыдаться.

— Мне нужно на разбор вылета, — сказала она и кивнула в сторону, где её ждали трое остальных лётчиков.

— Хорошо, — сказал Рэй. — Я и так хотел лишь сказать вам *спасибо*. Так что — спасибо.

Тесса безжизненно улыбнулась и коснулась его руки.

— Ну конечно. — Она перевела дыхание. — Увидимся.

Рэй мучительно кивнул. Тесса развернулась и пошла к товарищам. Она сняла шлем. На этот раз волосы поправлять она не стала.

Когда Рэй вошёл, Седвиг сидел в оперативном штабе один. Рэй удивлённо огляделся. Помещение напоминало кладбище. Ни один компьютер больше не работал, а Седвиг вертел самокрутки. Двадцать уже были готовы. Взгляд у него был совершенно пустым. Лишь беспроводной телефон, на котором время от времени мигал индикатор готовности, казалось, оставался на службе.

— Джош? — произнёс Рэй.

Главный техник поднял на него ничего не выражавшие глаза и выдержал его взгляд, не моргая. Рэй указал на тёмные экраны.

— Что? — спросил Седвиг убито и раздражённо. — Что нам ещё делать?

В этом была правда: их операция провалилась.

— Где Ребекка и Стив? — спросил Рэй.

Седвиг пожал плечами.

— Не знаю. — Он вздохнул. — Надеюсь, трахаются до потери рассудка, в этом хотя бы был бы смысл.

Стиву был уже двадцать один год, но из-за аутизма его способность к социальному взаимодействию была сильно ограничена. И всё же Седвиг высказал своё маловероятное предположение с вызовом в голосе и во взгляде.

— А-а, — медленно протянул Рэй, угрожающе глядя главному технику в глаза. Теперь Седвиг виновато опустил взгляд. — Развлекаться будут в другое время, — распорядился Рэй, — немедленно приведи обоих сюда. Пусть поставят на уши этих космических деятелей. Мне нужны спутниковые снимки долины, и мне плевать, кому ради этого придётся целовать задницу или давать по яйцам. А ты проследишь, чтобы всё было сделано немедленно, чтоб вас, и вдобавок я хочу знать, что с лётчиками Ф-14. Понял, Джош?

— Да, сэр, — сокрушённо ответил главный техник.

— Тогда шевелись!

Седвиг поспешно вскочил, опрокинув вращающийся стул.

— Где тебя найти? — спросил он, исподлобья глядя на Рэя и поднимая стул. — Чтобы доложить, я имею в виду.

— В моей комнате. — Рэй с трудом перевёл дыхание. — Там я буду писать родителям Ника и Артура и выражать со-

болезнования в связи с гибелью их сыновей — от имени всех нас. Ещё вопросы?

— Нет, Рэй, — прошептал Седвиг, опустив взгляд на свои теперь уже бессильно повисшие руки. — Прости.

— За работу, Джош, — ответил Рэй как можно спокойнее.

Он развернулся и вышел. Снаружи запрокинул голову и глубоко вдохнул, глядя в небо. Оно расплывалось перед глазами. Он шмыгнул носом и быстро, украдкой огляделся. Поблизости никого не было. Рэй вытер слёзы.

Ему нужно было доложить и в ОСМ. Начальству Джека и его подчинённым. Они были солдатами. Профессионалами. И сам Рэй много лет был бойцом спецназа. И всё же он молился, чтобы у него хватило сил найти нужные слова. Ведь бойцы ОСМ потеряли троих своих братьев.

• 08.04.2002, авиабаза Баграм, поздний вечер

Как начальник резидентуры Рэй пользовался некоторыми привилегиями на этой базе, всё ещё выглядевшей весьма временной: у него был собственный дощатый домик, а в нём холодильник, микроволновка, электрочайник, переносная кофеварка и электрическая плита с двумя конфорками. На ней он разогревал себе чили и макароны из полевого сухпайка. Пива больше не было: все запасы он выхлестал во время телефонного разговора с ОСМ. Это ничуть не помогло, и письма он тоже не дописал, хотя пьян не был. Оба начатых письма родителям Ника и Артура по-прежнему лежали на рабочем столе. Дальше приветственных фраз Рэй не продвинулся. Каждый раз, когда он пытался продолжить, он вспоминал, что отвечал также за своих аналитиков, техников и заместителя. Это сводило его с ума.

Рэй без всякого желания ковырял еду на тарелке. Хотя был голоден и сам слышал, как урчал его живот.

Но всё было не только ужасно: кое-что хорошее всё же произошло. Лётчиков Ф-14 пока так и не вывезли, но неподалёку от них двое немецких снайперов по заданию отдела ЦРУ по России инфильтрировали упавшую российскую спутниковую капсулу. Теперь они находились с морскими лётчиками и защищали их до прибытия бойцов Дельты. А

те спешили: они разделились, и одна из групп должна была оказаться на месте самое позднее завтра. Само по себе это ещё ничего не значило, но парни из Дельты были круты, а оба немца, похоже, совершенно безбашенными. Все вместе они уж позаботятся о том, чтобы экипаж Ф-14 вернулся домой.

Полминуты Рэй радовался этой надежде. Ему просто отчаянно нужно было твёрдо верить хоть во что-нибудь хорошее.

Затем он без аппетита отправил в рот кусок и уставился потемневшими глазами на письменный стол. Писать он по-прежнему не мог. Он думал, что станет легче после бомбардировки лагеря шаха. Но легче не стало. Ему самому тоже. Он не чувствовал себя мёртвым, но его жизни словно положили конец. Он больше никогда не сможет беззаботно жить в Перривилле, своём родном городке в Кентукки. Никогда больше не сможет посмотреть матери в глаза. Никогда больше не увидит озорной улыбки Джека, и это было почти больше, чем Рэй мог вынести. Непостижимо, что его собственное сердце всё ещё билось. Затем он вспомнил, что в шкафу стояла маленькая бутылка ямайского рома. Джек пил только его, никакого другого алкоголя. Рэй припас ром заранее, рассчитывая на успешное завершение задания Джека, ликвидацию бен Ладена и окончание войны.

Тесса, конечно, стёрла убийцу его брата в порошок. Но ничто не могло искупить жестокую казнь Джека. Его смерть стала частью Рэя. Другой его частью была чёрная, рокочу-

щая, бесконечная, страшная пустота. Неутолимо жаждавшая мести.

Рэй посмотрел на часы. Спутниковые снимки с результатами бомбардировки уже должны были поступить. Он поднялся, радуясь необходимости что-то сделать.

По пути к бараку ЦРУ Рэй встретил своего заместителя, который шёл за ним. Даже в темноте мрачное лицо Котовски не сулило ничего хорошего.

— Что случилось? — без предисловий потребовал ответа Рэй.

— Пришли спутниковые снимки результатов удара, — проворчал Котовски.

— Да, я как раз иду их посмотреть. И что? — спросил Рэй с дурным предчувствием.

— Мы перепахали долину.

— И?

— Мы перепахали её целиком, — ответил Котовски. — Последние две Пейвуэй упали без наведения.

— Дерьмо. Разумеется, на хижины мирных горцев, — предположил Рэй.

— Разумеется.

— И?

— В штабе тебя ждёт атташе Маркус Уолт из посольства, — сообщил Котовски. — Он в ярости. Джош, Ребекка и Стив под его надзором сохраняют протоколы авиаудара. —

Он сглотнул и теперь уже испуганно посмотрел на Рэя. — Тебя отозвали домой. Немедленно.

— Удар был санкционирован, — возмутился Рэй и ускорил шаг. — А четвёртый Ф-16 обстреляли ракетами.

— И кто-то должен за это ответить, — высказал Котовски прописную истину любой неудачной операции. — Лётчику Ф-16, этому лейтенанту Макдауэллу, тоже собираются вцепиться в глотку, насколько я понял.

Рэй резко остановился и повернулся к нему. Котовски лишь кивнул. В гневе Рэй почти побежал к бараку. Когда он ворвался внутрь, за спинами техников, сохранявших данные на компакт-диски, стоял мужчина в тёмном костюме, мрачный как туча. Он повернул голову, и Рэй указал на него пальцем.

— Макдауэлла вы в это не впутывайте, — сердито сказал он. — Иначе будет скандал. Кто-нибудь из вас сейчас пристаёт к лейтенанту?

Атташе отвёл его руку в сторону и уставился ему в глаза, нахмурившись, словно раздумывал, стоит ли вообще отвечать.

— У первого лейтенанта Макдауэлла никого нет, — наконец неохотно выдавил он. Он посмотрел Рэю в глаза с презрением и предостережением. — По крайней мере, пока.

— Вот и смотрите, чтобы так и оставалось, — посоветовал ему Рэй.

— А вы отстранены. Сейчас пойдёте собирать вещи, я от-

правлю вас ближайшим С-17 в Германию, — распорядился атташе. — Живо.

Рэй сначала повернулся к Котовски.

— Ты держишь рот на замке, Винц. Это была моя операция. Бойцы ОСМ погибли по моему приказу, и ВВС разнесли шаха тоже по моему приказу. Так что заговоришь только тогда, когда я тебе скажу. — Котовски кивнул, теперь ему предстояло временно командовать резидентурой. — Джошуа! — позвал Рэй. Главный техник обернулся и поднял на него глаза. — Ты тоже понял? — Седвиг тоже кивнул. Рэй резко посмотрел на Ребекку и Стива, которые испуганно слушали его монолог. — Вы ведь тоже поняли, что я сейчас сказал? — негромко произнёс он. Они тоже лишь кивнули. — Отлично. Так вы скоро закончите или как?

Часть 3

• 13.04.2002, Лэнгли, ЦРУ

Рэй сидел перед тремя холёными мужчинами и женщиной и не мог отделаться от впечатления, что все они были... скользкими. До самого мозга костей: отвратительная смесь политиканов и упёртых чиновников, которые дрочили на пустые фразы и инструкции вместо фотографий голых тел.

— Ещё раз, — сказал он. — Масуд шах Аммад за несколько месяцев убил пятьдесят солдат коалиции. Он был однозначно определён как враг, ликвидация которого имела высокий приоритет.

Один из типов за столом прервал Рэя театральным вздохом.

— Это решать было не вам, — заявил он.

Рэй немного наклонился вперёд.

— У меня как раз были полномочия решать, как поступить с шахом. — Он перевёл дыхание. — И вы говорите, что я превысил полномочия, потому что один Ф-16 сбросил бомбы без наведения? В него не крестьянин вилами швырнул, его атаковали ракетой переносного зенитного комплекса. Это был аварийный сброс, или лётчик Ф-16 должен был дать сбить себя?

— Были разрушены дома мирных жителей, мистер Фишер!

Этот полный идиот чувствовал такое превосходство. Конечно, это было так благородно — сидеть толстой задницей на всём готовом и задним числом правильно оценивать ситуацию. Этот придурок, двое других протирателей штанов и тупая корова с её глуповатым взглядом поверх позолоченных очков, изображавшим интеллект, буквально купались в своём оторванном от реальности мире.

— Лейтенант Фишер, — ледяным тоном поправил Рэй. — Из этого вы хотите сделать петлю для меня и лётчика? — уточнил он. — Вопрос: вы бы продолжали спокойно смотреть телевизор, если бы неподалёку вдруг начали взрываться бомбы?

— Мы обвиняем вас не в убийстве мирных жителей, — раздражённо возразил холёный. — А в разрушении их домов.

— А-а. То есть эти бедолаги ни при чём, так как их окрестности захватили талибы? — уточнил Рэй. — Те самые люди, которые победили армию СССР, да? Против русских они что-то могли, а против бородатых религиозных фанатиков, застрывших в прошлом, которые их порабощают и обращаются с их дочерьями и жёнами как с грязью, уже ничего? Тут мы должны думать за них? Сколько там талибов — пятьдесят тысяч? А сколько афганцев — сорок миллионов? — Он по очереди посмотрел в глаза мужчинам и женщине. — Вы

вообще понимаете, какую чушь несёте?

Холёный посмотрел на него прищуренными глазами.

— Вам следует следить за своими словами, — заметил он.

— Как офицеру.

Ну да, когда аргументы кончились. Рэй мерзко ухмыльнулся ему. Здесь он ничего не добьётся. Хорошо ещё, что у него не было с собой Глока 19. В суде ему ни за что не удалось бы представить убийство этих четверых как импульсивный поступок, вызванный посттравматическим стрессовым расстройством.

Вдруг Рэю расхотелось продолжать. Совсем, потому что этот разговор и любые оправдания были бессмысленны. Всё происходящее стоило не больше показательного процесса в СССР сталинских времён.

— Хорошо, — подавленно сказал Рэй. — Я беру на себя ответственность и за операцию против шаха, и за авиаудар. — Он ненадолго замолчал. — Что тогда меня ждёт?

Холёный наклонился вперёд.

— Хорошо, что вы наконец это осознали, — сказал он. Он едва заметно улыбнулся, откинулся назад и посмотрел на остальных за столом. На их лицах было написано облегчение: по-видимому, они рассчитывали, что ломать Рэя придётся дольше. Они даже невольно улыбнулись. Холёный снова направил на Рэя пустой взгляд. — Вы отстранены от командования, — начал он монотонно перечислять, — и больше никогда не займёте подобной командной должности. —

Он выдержал многозначительную паузу. — Но ваш начальник замолвил за вас слово. Поэтому вы остаётесь в Оперативном директорате, — он едва заметно улыбнулся, — однако будете заниматься закупками снаряжения.

— То есть кабинетная работа вдали от операций, — констатировал Рэй.

Холёный резко посмотрел на него.

— Радуйтесь, что мы вас не выгоняем, — резко сказал он. — Можете просиживать здесь задницу до пенсии. Не нравится — идите в частный сектор, — предложил он, намеренно оскорбляя.

Рэй не доставил ему удовольствия.

— Не-а, я из принципа останусь здесь до пенсии, — объявил он.

Никому из сидевших напротив это не понравилось.

— Ваше решение, Рэй, — ядовито начал холёный. Он снова улыбнулся ему, опять приторно и мерзко. — Ну хорошо, тогда остаётся роль лейтенанта Макдауэлла, которую нам непременно нужно обсудить.

— Стоп, — перебил его Рэй. — Он служит в ВВС, а не в ЦРУ.

— Тем не менее, — снова начал холёный.

— Стоп, — повторил Рэй. Он глубоко вдохнул. Он слишком долго служил в ЦРУ, чтобы не совершить ошибок и не нажить врагов. Он это принимал. Но расплачиваться за это должен был только он. — Я не хотел разыгрывать эту кар-

ту, — начал он, — но вы, дровичлы, не оставляете мне выбора. — Грубость обеспечила ему внимание всех четверых. Теперь он едва заметно улыбнулся им. — Ещё раз: лейтенант Макдауэлл служит в ВВС. — Он выдержал паузу, подражая холёному. — Вы знаете, кто мой отец? — Теперь он ухмыльнулся: такой подлости они от него не ожидали, обычно это был их метод. — Хотя он вышел в отставку по состоянию здоровья, он по-прежнему близкий друг основателя Отдела специальных мероприятий. — Этот бывший командир Дельты теперь возглавлял Центр и школу специальных методов ведения войны имени Джона Ф. Кеннеди, учебный центр сил специального назначения армии США. Рэй с облегчением увидел, что все четверо за столом прекрасно поняли, о ком шла речь, и это было им неприятно. — Папа подвесил бы меня за яйца, если бы я попытался уйти от ответственности, прикрываясь его именем. Но, — он снова передразнил холёного, — папа повесит за яйца вас, — он посмотрел женщине прямо в глаза, — и вас, мэм, причём будет ужасно больно, если вы, дровичлы, — он ещё раз подчеркнул это слово, — попытаетесь насолить лейтенанту Макдауэллу. — Он сделал паузу. — Видимо, я принял неверные решения, то есть поступил неумно, и от этого папа не может и не хочет меня ограждать. Поэтому я побуду вашим козлом отпущения. Но на этом всё, — отчётливо произнёс он. — И кому бы с покровителями наверху я ни мешал и каким бы образом, никто из моих людей и лейтенант Джейкоб Макдауэлл не будут

расплачиваться за мои ошибки. Это значит: никого из них не понизят в звании и никому не задержат повышение.

— Лейтенант Фишер! — начал холёный.

Рэй так резко встал со стула, скрипнувшего по полу, и так быстро подошёл к нему, что тот растерянно умолк. Рэй был уверен, что всё происходившее записывалось, хотя не видел ни микрофонов, ни камер. Подойдя к столу, он опёрся на него обеими руками и наклонился к холёному. По-видимому, тот был главным в этом балагане. А если нет — передаст слова Рэя тому, кто был главным.

— Если не будете слушаться, я всё расскажу папочке, — прошептал Рэй ему на ухо, — а после того, как он повесит тебя за яйца, я тебя убью.

• 17.04.2002, Лэнгли, ЦРУ

Альфред Тотт возглавлял Оперативный директорат ЦРУ. Его должность называлась «заместитель директора», и он был одним из пяти руководителей подразделений, подчинявшихся директору Центрального разведывательного управления. Этот пост неизменно занимал государственный чиновник, чьё назначение определялось исключительно политическими соображениями и мотивами. Заместитель директора Тотт, напротив, был опытным профессионалом, начавшим карьеру офицера разведки в Разведывательной службе поддержки — разведывательной структуре сухопутных войск. С ним Рэю не нужно было притворяться.

— Твой батя знает всё об этой истории? — поинтересовался Тотт у мини-бара, где готовил две порции спиртного, хотя не было ещё и восьми утра. — Это же идиотизм: тебя не обвиняют в убийстве, а убирают из-за разрушенных хижин, в чём ты вообще не виноват. — Он вздохнул. — До чего же жалкий и дешёвый ход. Жаль, что эта дурацкая война только началась: скоро такие сопутствующие потери никого не будут волновать.

Он подошёл к столу с двумя стаканами, на дне которых едва заметно плескалась янтарная жидкость. Один стакан он протянул Рэю. Он одним глотком выпил смехотворно малую порцию бурбона.

— Батя не знает ничего, — ответил он. — И так лучше.
— Он пожал плечами. — Наверняка я по глупости наступил кому-то на мозоль, иначе они бы просто всё замяли.

— Ты думаешь? — уточнил Тотт.

— Да. — Рэй кивнул, затем растерянно покачал головой.
— Но сколько я всё ни перебираю, понятия не имею, кто хочет уничтожить меня.

Тотт плюхнулся в кресло и задумчиво наморщил лоб так, что брови оказались на разной высоте. Он покачал стакан с бурбоном. Затем задумчиво почесал подбородок, на котором пробивалась седая щетина.

— Похоже, для кого-то, вероятно, в Конгрессе, нужно создать впечатление, что провинившихся военных наказывают немедленно, сурово и справедливо, — сказал он. — Под удар попали ты и Макдауэлл.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.